

КЪ ИСТОРИИ

побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ *).

„Разбрестись розно“ — эта исконная привычка русскаго крестьянства проходитъ яркою чертою черезъ всю его исторію, какъ неизбежное слѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ текла жизнь русскаго народа. Начало ея теряется еще во временахъ сѣдой древности. Постоянная опасность нападеній со стороны варваровъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ нашихъ предковъ, заставляла ихъ селиться въ неприступныхъ мѣстахъ и часто мѣнять свои поселенія. Авары и козары смѣняють печенѣги и половцы, родовыя усобицы смѣняются княжескими, за печенѣгами являются татары, — всѣ эти враги и неурядица разоряли народъ и вмѣстѣ съ благопріятными географическими условіями страны и привычкой довольствоваться малымъ сдѣлали то, что „разбрестись розно“ отъ всякаго насилія и какой-бы то ни было тяжести для народа стало ни-по-чѣмъ. Изъ вѣковыхъ тяжелыхъ испытаній народъ вышелъ побѣдителемъ. Свергнуто было и татарское иго. Но народная масса представляла изъ себя безсвязные общественные элементы и лишена была правильнаго общественаго устройства. Для соединенія разсѣянныхъ, разобщенныхъ силъ нужна была власть и она явилась въ лицѣ собирателей земли русской — московскихъ великихъ государей, такъ или иначе исполнившихъ свою задачу. По мѣрѣ развитія государственной жизни измѣнялись мало-по-малу и прежнія общественныя отношенія: князья изъ кочующихъ родичей сдѣлались осѣдлыми вотчинниками; съ усиленіемъ единодержавія служилые люди, потомки прежнихъ княжескихъ дружинниковъ, также постепенно

---

*) Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили дѣла старыхъ уѣздныхъ судовъ нижегородскаго округа, а потомъ губерніи, находящіяся въ историческомъ архивѣ нижегородской ученой архивной комиссіи.

утратили право перехода отъ одного князя къ другому; вельдъ за ними потеряли право перехода и крестьяне, получило свое начало такъ-называемое крѣпостное право помѣщиковъ на крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Постепенно усиливаясь въ интересахъ помѣщиковъ, оно дошло въ царствованіе императрицы Екатерины II такъ-сказать до кульминаціонной точки своего развитія. Вѣками шла тяжелая работа устроенія земли русской; народъ несъ на себѣ главную долю участія въ этой работѣ; но когда приходилось не въ мочь — онъ „брелъ розно“, бѣжалъ отъ воеводскаго грабительства, отъ непосильныхъ разорительныхъ налоговъ, отъ приказной волокиты, бѣжалъ отъ помѣщичьихъ поборовъ, отъ барщины, то за границу, то на сѣверъ, въ юго-восточныя степи, на вольныя земли, куда еще не успѣла проникнуть властная рука правительства.

I.

Къ тому времени, съ котораго мы начинаемъ свой очеркъ, да и далеко послѣ, власть помѣщиковъ надъ своими крѣпостными крестьянами была почти совсѣмъ не ограничена, отношенія между ними не урегулированы никакими законами. Такимъ образомъ помѣщичьему произволу былъ широкій просторъ и только одинъ законъ — указъ Петра Великаго объ отдачѣ имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ, въ опеку ихъ родственникамъ — служилъ къ ограниченію этаго произвола; но и его дѣйствіе на практикѣ сводилось къ нулю, по крайней мѣрѣ, на сколько извѣстно, было весьма мало случаевъ примѣненія его, хотя въ то-же время правительство осаждалось массой крестьянскихъ челобитій на притѣсненія и разореніе ихъ помѣщиками. Подавались челобитья и на имя государыни, хотя это запрещено было подѣ страхомъ наказанія плетми и не смотря на эти наказанія; но большинство такихъ челобитій или почиталось „недѣльными“ и вызывало наказанія на ихъ подателей, или, въ лучшемъ случаѣ, возвращалось съ надписью повиноваться господину. Наконецъ указомъ сената 22 августа 1767 года окончательно было запрещено крестьянамъ подавать жалобы на

своихъ помѣщиковъ. „Всякая ихъ жалоба, хотя-бы поданная и не императрицѣ, заранѣе считалась незаконною“^{*)}).

Избавиться отъ тяжелыхъ поборовъ помѣщичьихъ, отъ непосильной барщины, отъ всякихъ притѣсненій осталось опять одно средство — побѣгъ.

Причины, заставлявшія крѣпостныхъ крестьянъ бѣжать отъ помѣщиковъ, какъ видно изъ дѣлъ объ этихъ побѣгахъ, были слѣдующія: обременительные оброки, непосильная барщина, всякія притѣсненія и побои отъ помѣщиковъ, ихъ бурмистровъ и управляющихъ, „за оскудѣніемъ къ пропитанію“, рекрутскіе наборы, иногда релігіозныя вѣрованія, наконецъ и еще цѣлая категория причинъ, которая на языкѣ бѣглыхъ выражается однимъ словомъ: „по глупости“: это — или какія-нибудь сложныя психологическія причины, или такія, которыя пойманный бѣглый по какому-либо соображеніямъ, не желаетъ высказывать. Напримѣръ, одинъ крѣпостной крестьянинъ 32 лѣтъ, опредѣлившій причину своего побѣга словомъ „по глупости“, бѣжалъ отъ своей помѣщицы Березовской изъ арзамасскаго уѣзда въ г. Балахну и тамъ прямо объявилъ о себѣ властямъ, назывался бродягою, непомнящимъ родства, но былъ узнавъ кѣмъ-то и на вопросъ: что за причина заставила его назваться „непомнящимъ“, — онъ и сказалъ „по глупости и для того, чтобы въ жителство свое болѣе не возвращаться“. Чтобы понять, на сколько могли быть серьезны тѣ причины, которыя заставили его бросить свою жену и дѣтей, надо помнить, что тогда непомнящіе родства гулящіе люди подвергались „нощадному“ наказанію кнутомъ, а затѣмъ отдавались въ солдаты или, за негодностію, ссылались въ Сибирь, на поселеніе. Своимъ крестьянскимъ обществомъ онъ былъ одобренъ.

Какими неумѣренными оброками нѣкоторые помѣщики пользовались съ своихъ крестьянъ, видно, напримѣръ, изъ дѣла, производившагося въ 1842 году по жалобѣ крестьянъ с. Краснаго, арзамасскаго уѣзда на своего помѣщика А. Ф. Зубова.

*) В. Семевскій, „Крестьяне въ царств. Екатерины II“, стр. 315.

На судѣ они показали, что „сборъ оброковъ и прочихъ податей былъ, можно сказать, безконечный, т. е. если есть деньги — подай, а если нѣтъ — ложись подъ розги“. Положеніе ихъ, по слѣдствію, оказалось дѣйствительно печальнымъ и для поддержа- нія обѣднѣвшихъ крестьянъ губернская администрація распоря- дилась выдавать изъ вотчинной господской конторы за обработку каждой десятины помѣщичьей запашки по 3 р. 50 коп. и рас- продать мѣдную посуду съ сахарнаго завода помѣщика, а выру- ченныя деньги употребить въ пользу наиболѣе бѣдныхъ изъ его крестьянъ. Въ томъ-же году имѣніе, по наслѣдству, перешло къ брату Зубова П. Ф. Зубову и въ 1846 году крестьяне вновь жалуются на обременительный оброкъ (по 75 р. въ годъ) и на произвольные штрафы, отъ 150 до 1500 рублей, смотря по состоянію штрафуемыхъ. Но на этотъ разъ крестьяне заявили на судѣ, что прошеніе подано не отъ всего ихъ общества, а однимъ крестьяниномъ (Карякинымъ) и при этомъ поясняютъ: одинъ, — что не подписался подъ его прошеніемъ потому, „что за сообще- ство и по прежней жалобѣ на господина“ принужденъ былъ за- нять и отдать господину Зубову 500 рублей; другой, — что госпо- динъ требовалъ съ него за то-же, „какъ съ богатаго мужика, 1000 рублей и держалъ цѣлый годъ въ черной избѣ и выпу- шень (я) былъ тогда уже, какъ внесъ 153 рубля“; третій, — что за неплатежъ такого-же штрафа господинъ отобралъ отъ него хлѣбъ и переселилъ въ другую вотчину, но черезъ 7 мѣ- сяцевъ былъ имъ впрочемъ возвращенъ на прежнее мѣсто; четвер- тый, — что заплатилъ господину штрафа за жалобу на него 1000 рублей, и т. д. На требованіе судомъ объясненія по по- воду взысканія такихъ *штрафовъ* съ крестьянъ, Зубовъ, въ отзывѣ своемъ, между прочимъ, пишетъ: „Если деньги съ крестьянъ собираемы были, то конечно по моему приказу, но за что именно — я не считаю нужнымъ это объяснить... Не существуетъ закона, чтобы требовать отъ помѣщика отчета въ денежныхъ разчетахъ съ своими крестьянами... и я вполне увѣренъ, что впредь не буду имѣть подобныхъ вопросовъ, которые явно про- тиворѣчатъ государственнымъ учрежденіямъ, обеспечивающимъ права всякаго гражданина“. (Дѣло № 425, 1847 года).

На сколько иногда великъ былъ оброкъ, платимый крѣпостными, можно видѣть также изъ дѣла о побѣгѣ отъ помѣщика Салтыкова его крестьянина, человѣка, впрочемъ, сравнительно богатаго, занимавшагося торговлей, который рассказываетъ, что бѣжалъ онъ, предвидя окончательное разореніе, такъ какъ платилъ господину своему оброка 3000 рублей въ годъ. Объ этомъ интересномъ дѣлѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить впереди. Отъ арзамасскаго помѣщика Кутлубицкаго бѣгутъ въ одно время (въ 1834 г.) четверо его крестьянъ, въ возрастѣ одинъ 58 л., а другіе отъ 24 до 34 лѣтъ, также отъ непосильнаго оброка, оставя своихъ женъ, дѣтей и хозяйство.

Но положеніе крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было гораздо хуже положенія оброчныхъ и бѣгали отъ помѣщиковъ своихъ они поэтому чаще, чѣмъ послѣдніе. До чего обременяли нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ барщиной и какъ невыносима была ихъ жизнь—видно, на примѣръ, изъ дѣла о побѣгѣ крестьянъ деревни Колотухи, нижегородскаго уѣзда, принадлежавшей помѣщику Кушелеву. Въ 1837 году, лѣтомъ, отъ него одна за другою бѣжали двѣ партіи крестьянъ, въ хвалынской и вольской уѣзды, въ 24 человѣка, не считая женъ и дѣтей ихъ. Одни изъ нихъ жили въ городѣ и работали на поденщинѣ, а другіе по деревнямъ. Оставшимся крестьянамъ конечно еще тяжелѣе пришлось послѣ побѣга такой значительной партіи односельцевъ и вотъ они задумали навсегда избавиться отъ своего мучителя: въ темную осеннюю ночь подложили они подъ домъ, гдѣ жилъ Кушелевъ, пороху и зажгли его; часть дома и именно ту, гдѣ была спальня помѣщика, взорвало, но самъ онъ, благодаря только счастливой случайности, остался живъ, не на радость конечно своимъ крѣпостнымъ. И теперь еще, говорятъ, у многихъ крестьянъ осталось въ памяти, какъ колотухинцы выходили по ночамъ за сборомъ милостыни въ сосѣднія деревни и какъ все отличали ихъ по жалкому наружному виду.

Отъ барщины часто не освобождались даже престарѣлые люди; такъ одинъ 75-лѣтній старикъ, крѣпостной арзамасскаго помѣщика Языкова, судился въ 1806 г. за побѣгъ изъ вотчины.

хотя онъ, собственно, не бѣжалъ, а ушелъ только безъ спроса своихъ вотчинныхъ начальниковъ въ тульскую губернію, гдѣ жилъ его баринъ, просить „по дряхлости лѣтъ“ уволить его отъ господскихъ работъ; баринъ-то и представилъ его въ судъ „для сужденія и поступленія по законамъ“. Побѣги стариковъ отъ господскихъ работъ встрѣчались, впрочемъ, не рѣдко; одинъ, на примѣръ, крѣпостной васильскаго помѣщика Разживина, старикъ 70 лѣтъ, убѣжалъ отъ помѣщика въ 1785 году и лѣтъ черезъ 8, „по неспособности уже въ бѣгахъ“, приписался къ экономическимъ крестьянамъ въ с. Лысково. Но послѣ какъ-то стало извѣстнымъ, что онъ не имѣлъ права воспользоваться манифестомъ, на основаніи котораго былъ приписанъ, и его возвратили къ прежнему владѣльцу. Другой старикъ, крестьянинъ арзамасскаго помѣщика Важенова, рассказываетъ, что жилъ онъ съ своею матерью, древней старухой, въ кельѣ; хозяйства своего у нихъ никакого не было и его принуждали „завсегда“ работать на помѣщика своего, не выдавая ничего на пропитаніе „и за старостію — говоритъ онъ — сдѣлавшись я продолжать оную не въ силахъ и не имѣя у себя уже пищи, оставя свою мать, въ прошломъ 1808 году отъ помѣщика своего бѣжалъ“. Важеновъ выразилъ желаніе взять его изъ суда безъ наказанія (Дѣло № 356).

Нерѣдко старики, „отбывая“ отъ тяжелыхъ господскихъ работъ, бѣгутъ изъ большихъ семей; такъ изъ васильской вотчины Шереметева убѣжалъ (1830 г.) старикъ, у котораго было два женатыхъ сына и взрослые внуки, и нѣсколько лѣтъ прожилъ въ лѣсу, сошедшій тамъ случайно съ зятемъ, бѣжавшимъ изъ солдатъ.

Барщинные крестьяне чаще подвергались и всякаго рода притѣсненіямъ и побоямъ отъ своихъ владѣльцевъ, и еще чаще отъ ихъ бурмистровъ, не забывавшихъ и своихъ интересовъ; часто бѣгутъ отъ ихъ побоевъ крестьяне хозяйственные, бросаю на произволъ случая и на жертву помѣщика свои семьи. Двое пойманныхъ бѣглыхъ крестьянъ (30 и 38 лѣтъ) рассказываютъ, что бѣжали они „отъ немилостиваго бою“ и притѣсненій и пошли, „куда глаза глядятъ“, бросивъ и хозяйство, и семьи.

Побѣги отъ рекрутскихъ наборовъ были также обычнымъ явленіемъ; бѣгутъ изъ боязни попасть въ солдаты и сорокалѣтніе крестьяне и шестнадцатилѣтніе ихъ дѣти. Какой переполохъ могла сдѣлать одна только брошенная въ народѣ фраза — „рекрутскій наборъ“ — видно изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ Арзамасѣ въ 1778 году. Купцы и мѣщане города собрались въ магистратъ на сходъ въ базарный день и рѣшили слать въ солдаты, въ зачетъ будущаго набора, нѣсколько человѣкъ порочныхъ членовъ своего общества. Вслѣдъ за рѣшеніемъ началась ловля по базару и по домамъ обреченныхъ солдатству. Помѣщикъ Салтыковъ, жалуясь губернатору на „непорядочныя поступки“ магистрата, допустившаго сходъ въ такое время, когда въ городѣ съѣзжалось много крестьянъ, и ловлю рекрутовъ, пишетъ въ донесеніи: „И сдѣлался въ городѣ великій крикъ, что ловятъ въ рекруты и весь базаръ кончился скорымъ разбѣдомъ съ него людей. И примѣтно было, что многіе изъ уѣздныхъ жителей, скакавъ изъ города, посѣщали въ свои жительства съ крикомъ, что рекрутскій наборъ и въ городѣ ловятъ; отъ котораго происшествія и у меня нѣсколько человѣкъ скрылось“.

Но едва-ли не чаще разсчитывавшіе быть отданными въ солдаты уродовали себя, отрубая пальцы на рукахъ и ногахъ, подрѣзывая на ногахъ сухожилія; по крайней мѣрѣ намъ встрѣчалась масса дѣлъ о „членовредительствѣ, избывая рекрутской отдачи“, кончавшемся иногда смертью отъ истеченія крови.

Убѣгая отъ помѣщика, крестьянинъ почти всегда имѣлъ опредѣленный планъ побѣга; мѣста, гдѣ укрывались бѣглецы, были ему извѣстны отъ тѣхъ-же бѣглыхъ; такъ или иначе онъ сносно устраивалъ свою жизнь въ бѣгахъ и рѣдкій добровольно являлся назадъ, къ своему помѣщику; принудить къ этому могла развѣ только тоска по брошенной семьѣ или старость и желаніе умереть на родинѣ. Большинство бѣглыхъ идетъ на Волгу, до Астрахани, на Уралъ, на Донъ, въ Крымъ. Тамъ они или батрачатъ по степнымъ хуторамъ, или промышляютъ

на рыболовныхъ ватагахъ; другіе идутъ въ бурлаки, а нѣкоторымъ удается обзавестись и своимъ хозяйствомъ. Одинъ крестьянинъ васьинскаго уѣзда, крѣпостной помѣщика Короваева, долженъ былъ, по его приказанію, переселиться (1778 г.) въ другую дальнюю вотчину, въ бѣжецкій уѣздъ; „но во отбывательство онаго—разсказываетъ крестьянинъ—изъ того села Воскресенскаго, оставя домъ свой и пажить, написавъ себѣ отпусное письмо въ питейномъ домѣ, черезъ цѣловальника, взявъ съ двора господина лошадь и ружье, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ иногда нападенія онымъ обороняться—бѣжалъ. И не доѣзжая до д. Невѣрова, на лѣсу, повстрѣчались мнѣ того села Воскресенскаго крестьяне... у коихъ усмотря везущую къ тому господину моему въ бѣжецкую вотчину жену свою Тагьяну Мосееву съ дѣтьми (сынъ и двѣ дочери) и остановя ихъ, тое жену свою съ дѣтьми отбилъ. Но точію она къ тому побѣгу со мною не согласилась и воротилась съ дочерьми въ помянутое село Воскресенское, почему я и взялъ сына своего безъ всякаго супротивленія и посадя онаго въ телѣгу, увезъ царицынскаго уѣзду въ село Безродное, на государевъ шелковый заводъ... Увѣдомясь (года черезъ два) объ умертвіи первобрачной жены своей, женился (я) на другой женѣ, которую взялъ тамошняго завода вдову и жительство имѣлъ съ нею съ полтретія года, работая на томъ заводѣ, завѣдомо что бѣглый, изъ одного пропитанія, а изъ онаго, по намѣренію дабы себѣ смыкать наилучшей для житія способъ, и съ женою своею и съ сыномъ поѣхалъ въ казачье въ донское мѣстечко, въ Медвѣдовскую станицу, въ хуторы Березовскіе, гдѣ и жилъ у казака, прозваніемъ Каменнаго, завѣдомо онъ что бѣглый, производя на онаго разную работу, а потомъ построил во дворѣ его себѣ избу, въ которой и жилъ“. Въ одну изъ частыхъ отлучекъ изъ дому онъ былъ пойманъ (Дѣло № 518, 1781 г.).

Крестьянинъ Новиковъ, крѣпостной арзамасскаго помѣщика Вахметева, бѣжавшій въ 1786 году со всей семьей своей, „чтобы прискаты гдѣ ни есть къ житію мѣсто“, на допросѣ показалъ: по побѣгѣ поселились они „вольскаго округа, помѣщика Баро-

нина въ с. Рыбноѣ, по допущенію и согласію того села крестьянъ, въ выстроенномъ мною домѣ, и у крестьянъ того села я насъ по найму ежегодно скотское стадо... Назадъ тому лѣтъ шесть за сына своего, по пришествію его въ совершенный возрастъ, взялъ въ замужество жившую въ томъ же селѣ, оставшую послѣ умершаго бѣглаго, того же господина нашего Бахметева крестьянина, дочь, дѣвку Анну, которыхъ вѣнчалъ того села священникъ Иванъ Петровъ; и жили мы въ томъ выстроенномъ домѣ... Но напоследокъ (черезъ 17 лѣтъ) крестьяне, не захотѣли насъ болѣе держать въ своемъ селеніи, взявъ всѣхъ, представили въ земскій судъ“ (Дѣло № 328, 1803 г.).

Принимая бѣглыхъ, крестьяне не вездѣ относились къ нимъ дружелюбно и при этомъ преслѣдовали часто только свои личные и общественные интересы. Такъ крестьяне вятскаго намѣстничества, вновь образовавшагося починка Потушки, приняли въ свое общество въ 1797 году крестьянина помѣщика Головина, бѣжавшаго изъ его балахонской вотчины, съ ткацкой фабрики, и приписали какии-то образомъ его къ своему обществу, а передъ первымъ рекрутскимъ наборомъ, „мірскимъ согласіемъ заковавъ въ желѣзъ“, черезъ 5 недѣль сдали въ рекруты (Дѣло № 540, 1798 г.). Хотя въ то-же время нерѣдко бывали примѣры и противоположнаго свойства, когда крестьяне оказывали бѣглымъ покровительство и защиту даже отъ властей, особенно когда нуждались въ ихъ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, какъ это видно изъ одного случая, относящагося къ тому-же времени (1796 г.). Бѣглый крѣпостной изъ костромской губерніи пришелъ въ Балахну и нанялся тамъ въ работу на соляныя варницы къ генералу Ивану Михайловичу Ребиндеру, а лѣтомъ ушелъ къ его крестьянамъ въ деревню и тамъ нанялся у одного изъ нихъ на сѣнокосъ; но крестьянину кажется не хотѣлось заплатить бѣглому за работу и чтобы отдѣлаться отъ него, онъ донесъ о его мѣстопребываніи властямъ. За бѣглымъ изъ Балахны пришли солдаты, когда тотъ вмѣстѣ съ крестьянами былъ на работѣ, взяли, заковали его въ цѣпи и повели; но крестьяне большой толпой, вооружась косами, напали на солдатъ, избили

ихъ, приговаривая, „чтобъ они брать отъ нихъ крестьянъ никакихъ не отваживались“, сбили съ бѣлаго цѣпи и отпустили его.

Многіе бѣглецы разсказывали, что въ низовыхъ губерніяхъ по Волгѣ и на Уралѣ начальство „имѣеть за нами смотрѣніе не очень усердное и что тамъ прожить весьма можно безъ всякой опасности“ даже и безъ паспортовъ. И часто по этимъ слухамъ помѣщичьи крестьяне бѣгутъ туда цѣлыми семьями, забирая, что можно, изъ своего имущества. Такъ бѣжали, напримѣръ, (1802 г.) три семьи изъ арзамасскаго уѣзда отъ притѣсненій помѣщика Полозова; въ одной изъ нихъ было пятеро дѣтей, въ возрастѣ отъ 1 до 14 лѣтъ, а старуху-мать они оставили на родинѣ. Крестьянинъ изъ послѣдней семьи, возвращенной въ послѣдствіе къ помѣщику, на допросѣ показалъ, что до побѣга отъ господина своего ему какъ-то повстрѣчались однажды трое уральскихъ казаковъ на дорогѣ изъ г. Владиміра въ Арзамасъ, „которые во время пути—передавалъ бѣглый—между разговорами преподавали мнѣ совѣтъ, чтобы отъ господина своего бѣжать со всѣмъ своимъ семействомъ въ г. Уральскъ, ибо де тамъ на хуторахъ весьма можно прожить до окончанія вѣка моего безъ всякой отъ кого либо опасности“. По этимъ-же слухамъ нашли себѣ убѣжище въ саратовской губерніи и крестьяне Кушелева. Одинъ крестьянинъ, добровольно явившійся изъ бѣговъ черезъ 19 лѣтъ (въ 1806 г.), разсказываетъ, что первые 10 лѣтъ жилъ онъ по хуторамъ саратовской губерніи, а остальные 9 также по хуторамъ, близъ Уральска и вездѣ безъ паспорта, „завѣдомо бѣглаго“. Другой говоритъ, что назадъ тому лѣтъ 12 (въ 1795 г.) онъ бѣжалъ отъ помѣщика съ женою и дочерью въ саратовскую губернію и поселился на хуторѣ у польскаго выходца; дочь была у выходца вмѣсто жены и имѣла отъ него дѣтей, онъ-же работалъ то у него на хуторѣ, то уходилъ въ другія мѣста „и посредствомъ принятыхъ онымъ выходцемъ мѣръ имѣлъ вездѣ свободный ходъ“. Крѣпостной арзамасскаго помѣщика Кашкарова, бѣжавшій отъ него въ 1796 г. въ саратовскую-же губернію, разсказывалъ, что по приходѣ въ Саратовъ встрѣтилъ тамъ какого-то крестьянина, который общалъ ему

Найти мѣсто и привелъ къ помѣщику Тарарину; помѣщикъ его принялъ и наказалъ называться его крестьяниномъ. „Когда я пообжился у него—говорить бѣглый—то уже былъ съ данными билетами отпускаемъ для работъ крестьянскихъ вокругъ города Саратова и Камышина и въ Дубовское селеніе (посадъ). По истеченіе же семи лѣтъ присвоитель мой согласился отпустить меня на волю“ и написалъ уже отпускное письмо, но, не успѣвъ его выдать, умеръ; оставшаяся послѣ Тарарина жена отпускной бѣгдому не выдавала, тогда онъ укралъ письмо и бѣжалъ съ нимъ, но былъ пойманъ и хотя Тарарина предъявила на него свои права, но уже и самъ бѣглый не захотѣлъ называться ея крѣпостнымъ и объявилъ о настоящемъ своемъ владѣльцѣ, да и Тарарина ничѣмъ не могла доказать своихъ правъ на него (Дѣло № 331, 1809 г.).

Особенно-же манила къ себѣ бѣглецовъ привольною свободою жизнію Астрахань; туда направлялась по Волгѣ главная масса ихъ и нанималась или на многочисленныя рыболовныя ватаги, или въ бурлаки на суда, ходившія по Волгѣ съ товарами. Здѣсь также свободно добывались всякіе виды на жительство. Нанялся, напримѣръ, бѣглый въ бурлаки на судно и если есть у него деньги, то онъ идетъ и черезъ извѣстныхъ ему агентовъ, обитающихъ всегда по кабакамъ, рубля за два, за три выправляетъ паспортъ, засвидѣтельствованный въ полиціи. Да и самый взглядъ на паспорта былъ тогда свободнѣе. Въ Саратовѣ, на заставѣ, задержано, напримѣръ, было пятеро бѣглыхъ безъ всякаго письменнаго вида; они заявили, что отпускную своего помѣщика дорогою потеряли и для обратнаго проѣзда имъ выдали изъ полиціи видъ, съ которымъ они и пріѣхали въ Астрахань, гдѣ паспортъ уже не требовался. На безчисленныхъ заставахъ и сторожевыхъ постахъ, черезъ которые приходилось проходить и бѣглымъ, солдаты, въ большинствѣ случаевъ люди безграмотные или малограмотные, довольствовались часто тѣмъ, что подозрительный прохожій или проѣзжій показывалъ имъ вмѣсто паспорта какую-нибудь бумагу съ печатью. Спросъ на фальшивые паспорта былъ великъ и фабрикація ихъ велась ши-

роко и почти открыто во многихъ городахъ и промышленныхъ селеніяхъ. Въ вижегородской губерніи село Лысково и Мурашкино считались центрами торговли фальшивыми паспортами, куда шель всякій желающій и покупалъ себѣ не за дорогую плату видъ на свободное проживаніе. Были такіе мастера этаго дѣла, что сфабрикованные ими паспорта не отличали отъ настоящихъ даже и набившіе руку на „тончайшихъ“ изслѣдованіяхъ всякаго рода подвоховъ казуисты-приказные. Одинъ бѣглый, дворовый князя Долгорукова, съ такимъ паспортомъ отважился даже проситься (1787 г.) въ истопники во дворецъ императрицы Екатерины II и хотя ему и отказали, но не „по сумнительству въ паспортъ“ (Дѣло № 306, 1787 г.). Такіе паспорта конечно были рѣдки, чаще-же всего писались они на столько плохо, что если попадались въ руки грамотнаго, то подлогъ скоро обнаруживался. Одинъ бѣглый взять былъ съ такимъ, напримѣръ, паспортомъ: „Крестьянинъ Григорій Михайловъ отпущенъ отъ меня ардаатовской округи изъ деревни Ямищахъ того ради и прошу оному Григорію давать въ селеніяхъ свободный пропускъ безъ задержанія и дано ему на пять мѣсяцевъ до февраля мѣсяца а вступитъ въ работу разную въ чемъ сей которое свидѣтельствую по № 187“.

Паспортъ этотъ оказался „сумнительнымъ“ потому, что на немъ не было печати.

Не мало бѣглыхъ скрывалось по Нижегородскому Заволжью въ дѣсахъ семеновскихъ и макарьевскихъ, у старообрядцевъ, охотно ихъ принимавшихъ, и по тамошнимъ многочисленнымъ скитамъ.

Наплывъ бѣглыхъ въ нынѣшній семеновскій уѣздъ былъ особенно значителенъ во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Въ семеновскомъ уѣздномъ судѣ въ теченіе одного 1831 года возникаютъ одво велѣдъ за другимъ одиннадцать весьма любопытныхъ дѣлъ о крестьянахъ, „ищущихъ отъ помѣщиковъ вольности“. Подали губернскому прокурору прошенія крестьяне слѣдующихъ помѣщиковъ: Кухарскаго, Леонтьева, Степанова, Огорокова, Овцыной, Кулебакиныхъ, Пасмуровыхъ,

Перепелкина, Михайловыхъ, Коробовыхъ и Зварыкиныхъ. Содержаніе дѣлъ въ общемъ совершенно одинаково; изъ нихъ оказывается, что предки крестьянъ, ищущихъ вольности, были „невѣдомые бѣглецы“, поселившіеся на мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ потомки ихъ, — по деревнямъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, за долго до первой ревизіи. Земли тогда было много и старожилы не стѣсняли новыхъ пришельцевъ въ пользованіи ею. Въ первую ревизію 1719 года всѣ эти бѣглецы крестьяне были записаны въ бобыли казеннаго, дворцоваго и удѣльнаго вѣдомствъ; но уже во вторую ревизію нѣкоторые изъ нихъ оказались записанными за помѣщиками, въ третью-же и всѣ они числились помѣщичьими. Какъ это произошло — ни крестьяне, ни ихъ помѣщики объяснить не могли; ни у кого изъ упомянутыхъ помѣщиковъ не оказалось ни на земли, ни на крестьянъ ни какихъ крѣпостныхъ актовъ, когда въ 1798 году возникли споры у ихъ крестьянъ съ старожилами — крестьянами казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ — изъ-за земли, которой уже оказалось недостаточно для приросшаго въ теченіе болѣе 100 лѣтъ населенія. Изъ этихъ помѣщиковъ одинъ только Кухарскій могъ дать хотя какія-нибудь объясненія своего права на крестьянъ; онъ заявилъ суду, что предки теперешнихъ его крестьянъ убѣждали отъ его прапрадѣда около 1655 года и поселились въ семеновскомъ (балахонскомъ тогда) уѣздѣ, а въ первую и вторую ревизіи записались въ дворцовое вѣдомство по своему желанію, „дабы имъ черезъ то имѣть земли и прочія угодья, принадлежавшія дворцовымъ крестьянамъ, и чтобы оныя ихъ не выгнали вонъ“. (Кухарскій, въ доказательство правъ своихъ на крестьянъ, ищущихъ отъ него вольности, указалъ на дѣло о побѣгѣ одного изъ предковъ этихъ крѣпостныхъ; въ дѣлѣ изложено интересное показаніе бѣглеца, которое мы и приводимъ ниже).

Губернская администрація была встревожена такимъ обиліемъ возникшихъ одновременно дѣлъ о крестьянахъ, ищущихъ вольности и опасалась безпорядковъ. Назначено было слѣдствіе, на которомъ крестьяне заявили, что главной причиной заставившей ихъ искать вольности отъ помѣщиковъ, было крайнее мало-

земелье (у нѣкоторыхъ помѣщиковъ не болѣе 1¹/₂ десятинъ пахотной земли на душу), а также обременительные платежи, взыскиваемые теперь нѣкоторыми помѣщиками, тогда какъ раньше они не были стѣсняемы владѣльцами, „платя оброкъ по мѣрѣ состоянія своего“ *). Въ то-же время крестьянамъ извѣстно было, что ихъ помѣщики ни какихъ правъ на нихъ, кромѣ фактическаго владѣнія, не имѣютъ.

Сенатъ отказалъ крестьянамъ въ ихъ просьбахъ на основаніи указа 21 сентября 1815 года, а въ немъ сказано, что тѣмъ крестьянамъ, которые не были записаны по 1-й и 2-й ревизіи за владѣльцами, въ слѣдующихъ-же ревизіяхъ оказались въ помѣщицкѣмъ владѣніи, отказать въ искѣ вольности, если искать ее они начали послѣ изданія этого указа (См. дѣла №№ 580—587, 590 и 597).

Дѣло о побѣгѣ отъ Кухарскаго его крестьянина происходило въ 1735 году. Въ судъ къ допросу представленъ былъ внукъ этого крестьянина Березинъ. Вотъ его показанія: „Ему 50 лѣтъ, а чей подлинно крѣпостной крестьянинъ, про то онъ не знаетъ, только слышалъ отъ дѣда своего родного Григорія Андреева и отца своего родного же Алексѣя Григорьева, что оный дѣдъ его былъ подлинно крѣпостной крестьянинъ владимірскаго уѣзда, вотчины И. М. сына Кухарскаго, ерополческой волости, деревни Вольшого Острога. И въ прошлыхъ же годахъ, тому нынѣ лѣтъ съ 90, оный дѣдъ его изъ той деревни отъ онаго помѣщика Кухарскаго бѣжалъ, а бѣжавъ жилъ въ суздальскомъ уѣздѣ, дворцовой елахонской волости, въ деревнѣ Козлахъ 30 лѣтъ и въ той деревнѣ женился... И живучи въ той деревнѣ, оный дѣдъ прижилъ отца его и женилъ на крестьянской дочери Акулиѣ. И приживъ его, Анисима, изъ той деревни Козловъ отецъ его и съ матерью, и съ нимъ, Анисимомъ, по-

---

*) Не въ этомъ-ли и слѣдуетъ искать причину, по которой крестьяне, не протестовали въ началѣ противъ захвата ихъ помѣщиками, особенно принявъ во вниманіе, что для казенныхъ крестьянъ чиновники были тоже, что для помѣщичьихъ ихъ господа, а послѣдніе своихъ крестьянъ всегда могли защитить отъ приказной волокиты.

книга въ той деревнѣ отца своего и матеръ.... бѣжали, а бѣжавъ жили въ балахонскомъ уѣздѣ, въ дворцовой толоконецкой волости, въ деревнѣ Юровской, по приѣму той волости подъячаго Ларіона Овчинникова, своимъ дворомъ лѣтъ съ 20, и за скудостью своею изъ той деревни, покинувъ дворъ свой, отецъ его и мать и съ нимъ, Анисимомъ, бѣжали, а бѣжавъ жили въ томъ же балахонскомъ уѣздѣ, въ дворцовой керженской волости, въ деревнѣ Медвѣдевѣ, по приѣму той волости старосты Василия Колосова, своимъ дворомъ и по нынѣ, тому лѣтъ съ 40^а. Далѣе говорится, что, кромѣ его, у отца въ этой деревнѣ родилось 5 братьевъ, изъ которыхъ двухъ отдали въ солдаты, а остальные женились и народили 17 человекъ дѣтей. „И живучи по онымъ деревнямъ какъ дѣдъ, и отецъ его, и онъ, Анисимъ, съ братьями и племянниками до перенеси мужескаго полу душъ всякія подати и дворцовыя доходы, купно тѣхъ деревень со крестьяны, платили въ равенствѣ, а во время нынѣшней поголовной перенеси въ подушномъ окладѣ написаны отецъ ихъ, и съ нимъ, Анисимомъ, и братьями его, и съ племянниками въ той же деревнѣ Медвѣдовой, и подушныя деньги въ той деревнѣ со крестьяны платятъ они въ равенствѣ же отъ кавалеріи въ новотроицкій полкъ. И въ той деревнѣ и по нынѣ жительство они имѣютъ на тяглыхъ крестьянскихъ жеребяхъ четырьмя своими дворами. И оный же дѣдъ ихъ и бабка, живучи въ вышеобъявленной деревнѣ Козлахъ, померли, тому лѣтъ съ 30; а отецъ же, ихъ покинувъ, живучи въ чернораменскихъ лѣсахъ, въ устинской волости, въ кельѣ, умеръ, тому другой годъ“.... (Дѣло № 608, 1735 года).

Позднѣе бѣглецы хотя и не такъ прочно и спокойно осѣдали въ Нижегородскомъ Заволжьи, но все-же находили себѣ тамъ пріютъ. Въ лѣсахъ, за р. Ветлугой и по ея притоку Устѣ, такіе бѣглецы образовали даже небольшіе поселки. Въ извѣстныхъ краснораменскихъ лѣсахъ, преимущественно противъ с. Работокъ, и недалеко отъ него, въ потаенныхъ мѣстахъ, куда вели глухія лѣсныя тропинки, были понастроены бѣглыми кельи, гдѣ они и проживали, иные по нѣскольку лѣтъ. Во многихъ дѣлахъ,

преимущественно конца прошлаго столѣтія, часто указывается на одни и тѣже урочища, гдѣ жили бѣглецы, напр.: Матвѣево озеро, рѣчка Савинка, Лиловая и Сосновая гривы. Мужчины занимаются въ этихъ кельяхъ плетеніемъ лаптей, а женщины прядутъ ленъ, и то, и другое сбывается ими на базарѣ въ с. Работкахъ. Въ кельяхъ обыкновенно живутъ по нѣскольку человѣкъ, иногда до 6, часто и мужчины, и женщины вмѣстѣ. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ нихъ, они сами хоронятъ мертвецовъ въ лѣсу (Дѣла № 42, 442, 703, 765, 773, 814 и 1900, 1784—1819 гг.).

Въ этихъ-же лѣсахъ по кельямъ часто скрывались разбойники изъ бѣглыхъ. Какъ легко переходилъ бѣглый отъ мирныхъ занятій къ разбою, видно изъ слѣдующаго разсказа одного изъ нихъ. Онъ бѣжалъ изъ деревни Торчилова, макаръевскаго уѣзда, отъ помѣщика Мусина-Пушкина въ 1780 г. „и шель черезъ разныя селенія, по дошедшему ему слуху, въ краснораменскіе лѣса, въ которые пришедъ, нашелъ незнаемо кѣмъ, построенную келью, въ которой прожилъ съ годъ.... Пришедъ къ нему женка Анна, выпросившия жила у него по сіе время (по 1786 г.), а минувшаго мая пошелъ онъ изъ той кельи для разгулки по тому краснораменскому лѣсу, и нашедъ онъ тое жъ деревни Торчилова крестьянина Фокина, который ловилъ рыбу, и выпросилъ у него оной рыбы; тогда Фокинъ сказалъ: полно шататься, пойдемъ въ деревню Сукино къ бурмистру и разобьемъ его, на что онъ тогда и согласился“. По сосѣднимъ кельямъ въ лѣсу они собрали еще 5 человѣкъ и пошли на грабежъ. Далѣе идетъ спокойное повѣствованіе о томъ, какъ они поджаривали зажженой лучиной тѣхъ изъ ограбленныхъ ими, которые отказывались отдать имъ добровольно свои деньги. Ремесла своего они уже не кидали, пока не переловили ихъ на макаръевской ярмаркѣ, гдѣ они „находились въ безмѣрномъ пьянствѣ“, проинва по кабакамъ награбленное (Дѣло № 11, 1786 г.).

Любопытно, что разбойники, не смотря на свою жизнь, полную дѣяній, противныхъ и божескимъ и человѣческимъ за-

конамъ, примиряютъ какъ-то ее съ своими религіозными вѣрваніями. Вотъ что, напр., говоритъ одинъ изъ нихъ на судѣ: *Послѣ одного грабежа „пошли они (12 человѣкъ) вверхъ р. Волги, по берегу, и пришли въ состоящую отъ г. Макарьева пустыню Медолазную, гдѣ имъ находящейся тамъ старецъ и молебень отслужилъ, коему дали они рубль да на свѣчи 20 копеекъ; и отслуживши молебень, послали одного за виномъ въ г. Макарьевъ“ (Дѣло № 116, 1787 г.).*

Заволжскіе лѣса хотя и представляли болѣе надежный пріюгъ для бѣглыхъ, но все-же туда шла сравнительно ничтожная часть ихъ, большинство предпочитаетъ мѣста людныя и идетъ въ промышленные города и селенія. Ихъ охотно принимаютъ въ тогдашнемъ промышленномъ центрѣ Нижегородскаго Поволжья, въ Балахонскомъ Усолѣ, на частныя и казенныя соляныя варницы, на ткацкія фабрики, которыя были въ модѣ нѣкоторое время у богатыхъ помѣщиковъ и существовали во многихъ вотчинахъ. Одна пойманная бѣглая дворовая дѣвица арзамасскаго помѣщика Алексѣева на допросѣ, напр., говорила: *„По побѣгѣ отъ господина (1817 г.), не заходя никуда, прямо явилась я макарьевской округи въ село Лысково, на учрежденную въ ономъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ суконную фабрику, къ управляющему оною дворовому человѣку Ивану Афанасьеву, коему о своемъ поступкѣ рассказала, и онъ принялъ меня на оную фабрику, съ платою за каждый мѣсяцъ по 1 р. 50 коп., кромѣ содержанія, однако съ тѣмъ, что если господа меня какимъ нибудь случаемъ отыщутъ, то тогда имъ меня возвратитъ; гдѣ я жила съ прочими, находящимися на оной фабрикѣ какъ крѣпостными князя Грузинскаго, такъ и прочими такового же сорту разныхъ господъ, бѣглыми людьми“.*

Гостепримство, какое оказывали князья Грузинскіе бѣглымъ помѣщичьимъ людямъ, было извѣстно далеко за предѣлами нижегородской губерніи и въ лысковскую ихъ вотчину стекалось много бѣглецовъ. Извѣстно это было и властямъ. Нѣсколько разъ возникали въ макарьевскомъ уѣздномъ судѣ дѣла о пристанодержательствѣ бѣглыхъ Грузинскимъ, но почему-то бѣглыхъ у

него не находили, а если и находили, то человекъ 5—6. Напримѣръ, въ 1832 году, сыщикъ Кочуровъ сдѣлалъ извѣтъ на Грузинскаго въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ и представилъ въ судъ списокъ послѣднимъ, живущимъ въ Лысковѣ, назвавъ болѣе 60 именъ. Въ извѣтѣ онъ писалъ, что указанные имъ бѣглецы могутъ сами назвать такихъ-же бѣглецовъ, скрывающихся въ Лысковѣ, до 400 человекъ. Начавшееся по этому извѣту дѣло тянулось съ большими проволочками, и на этотъ разъ также было мало поймано бѣглыхъ (Дѣло № 340). Объясненіе такой неуспѣшности розысковъ мы видимъ изъ другихъ дѣлъ, изъ показаній бѣглыхъ, которые говорили, что имъ приказано было на время розысковъ, о которыхъ вотчинное начальство узнавало заблаговременно, удалиться изъ Лыскова недѣли на двѣ (Дѣла за №№ 2140, 2229 и 2891).

Грамотные бѣглецы иногда занимались даже обученіемъ крестьянскихъ ребятъ по деревнямъ; такъ одинъ бѣглый рассказываетъ, что нѣсколько лѣтъ (въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія) жилъ онъ въ семеновскомъ уѣздѣ и тамъ по деревнямъ каждую зиму до фоминой недѣли училъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, которые попеременно собирались въ каждой избѣ всей деревни, а по лѣтамъ шилъ и починалъ сапоги въ тѣхъ-же мѣстахъ. И вообще по деревнямъ бродило много бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Большая часть такъ-называемыхъ пристанодержателей эксплуатировала ихъ, какъ только было возможно. Были люди изъ тѣхъ-же крестьянъ, которые все свое благосостояніе строили руками этихъ безправныхъ работниковъ. Одинъ изъ такихъ, добровольно явившійся къ своему помѣщику послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ бѣгахъ, рассказываетъ на допросѣ въ судѣ, что жилъ онъ въ работникахъ въ деревнѣ Меншиковѣ арзамасскаго уѣзда, у крестьянина Большакова. Большаковъ былъ богатый крестьянинъ, имѣлъ много земли и пчельникъ, а въ деревнѣ пять избъ и нѣкоторыя изъ нихъ были приспособлены для проживанія бѣглыхъ — съ тайниками, куда прятались, въ случаѣ опасности, его работники, исключительно бѣглецы, и съ подземными выходами. Такихъ работниковъ у Боль-

шакова было нѣсколько человѣкъ постоянныхъ, а другихъ, также бѣглыхъ, онъ держалъ временно, только на лѣтнія полевая работы. Нѣсколько человѣкъ изъ постоянныхъ работали въ его мастерскихъ, другіе жили на пчельникѣ, а прочіе исполняли разныя домашнія работы. Въ деревнѣ, да, навѣрное, и по сосѣдству съ ней, не могли не знать объ этой своеобразной колоніи и на Большакова дѣлали мѣстныя уѣздныя власти нѣсколько разъ облавы, а изъ бѣглыхъ почему-то всякій разъ никого не находили и только въ послѣдствіе, въ 1819 году, удалось одновременно переловить почти всѣхъ, успѣли скрыться двое. Никакой платы отъ своего хозяина они не получали и жили у него только изъ хлѣба, да изрѣдка давалъ онъ имъ водки.

Трудъ бѣглыхъ былъ выгоденъ для тѣхъ, кто имъ пользовался, потому что въ силу нелегальнаго ихъ положенія оплачивался дешевле, а то и вовсе не оплачивался: вѣдь требовать плату съ хозяина бѣглый на законномъ основаніи не могъ. Въздѣ, гдѣ требовалось много рабочихъ рукъ, какъ напримѣръ, на заводахъ и фабрикахъ, ихъ охотно принимали въ работу, но не церемонились съ ними и за-частую притѣняли и подвергали наказаніямъ наравнѣ съ заводскими крѣпостными; защищать они себя не могли и только рѣзвыя ноги уносили ихъ отъ всяческихъ напастей. Любопытно, что бѣглый крестьянинъ, попадая на какой нибудь заводъ или фабрику, считалъ уже себя какъ-бы прикрѣпленнымъ къ ней и находилъ настолько-же естественнымъ и законнымъ все тѣ взысканія и наказанія, какимъ подвергало его заводское начальство, насколько почиталъ естественнымъ и законнымъ примѣненіе ихъ къ крѣпостнымъ заводскимъ рабочимъ и если тяжелыми казались ему условія заводской жизни, то онъ не уходилъ съ завода, а бѣжалъ, бѣжалъ такъ-же, какъ и отъ своего помѣщика — „тайнымъ образомъ“. Для примѣра приведемъ одинъ случай, относящійся уже къ 20-тымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Бѣжали отъ помѣщицы Мансуровой, изъ ардатовскаго уѣзда, крестьянинъ 62 лѣтъ, его жена и дочь; шли, побираясь Христовымъ именемъ, дочь свою по дорогѣ они оставили у какого-то крестьянина въ нянькахъ и наконецъ сами

остановились на винокуренномъ заводѣ у саратовскаго губернатора, гдѣ нашли бѣглыхъ крестьянъ своей-же помѣщицы; тамъ жизнь сначала имъ понравилась и старикъ пошелъ на родину звать своего сына, который побоялся сначала идти съ нимъ и остался дома; сынъ согласился и пошелъ съ отцемъ; по дорогѣ отецъ взялъ и дочь и все трое пришли на заводъ. Но обстоятельства скоро перемѣнились: „отъ заводскаго утѣснительства жить стало немочно“, говорилъ послѣ старикъ и онъ съ сыномъ „тайно съ завода бѣжалъ“, оставивъ тамъ жену и дочь, жившихъ у кого-то изъ заводскихъ въ прислугахъ. Съ годъ побирались они Христовымъ именемъ. Сынъ заболѣлъ и скоро умеръ; похоронивъ его въ Вольскѣ, старикъ рѣшился пойти съ повинной къ своей помѣщицѣ и воротился одинъ: жена и дочь не захотѣли идти съ завода.

Не дѣлая никакихъ обобщеній и выводовъ, укажемъ еще на одинъ случай, показывающій насколько человекъ, подъ вліяніемъ тогдашняго общественнаго строя, отвыкъ смотрѣть на себя, какъ на самостоятельную личность и не могъ вообразить себя, хотя на время, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, не крѣпкимъ тому лицу или мѣсту, гдѣ пришлось ему жить, хотя бы только временно. Случай этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что касается не крѣпостного, какъ вообще понимается это состояніе, а горожанина. Балахонское мѣщанское общество уволило въ 1755 году одного своего члена, по случаю его болѣзни, во Флорищеву пустынь „для полученія отъ скорби исцѣленія“; тамъ онъ прожилъ года три и неизвѣстно выздоровѣлъ-ли, только въ одно время, оставя въ монастырѣ свой паспортъ, „самовольно, безъ всякаго позволенія, изъ онаго бѣжалъ“, какъ рассказывалъ онъ, будучи лѣтъ черезъ 10 послѣ этаго побѣга пойманъ, очевидно считая себя какъ-бы собственностію монастыря и не разчитывая, что его добровольно оттуда отпустятъ.

Нерѣдко помѣщичьи крестьяне, уходя, по паспортамъ, на заработки, не возвращаются уже къ своимъ господамъ, а такъ какъ такой способъ побѣга самый легкій, то помѣщики и не-

охотно отпускали своихъ крѣпостныхъ въ отхожіе промыслы, выдавая паспорта только болѣе или менѣе надежнымъ изъ нихъ; нѣкоторые-же помѣщики примѣняли въ своихъ имѣніяхъ особую систему поручительства и отпускали по паспортамъ крестьянъ своихъ не иначе, какъ если уходившій могъ найти по себѣ надежнаго поручителя изъ одновотчинныхъ-же крестьянъ. Такой порядокъ заведенъ былъ, между прочимъ, въ помѣстьяхъ князя Голицына; но и такая система выдачи паспортовъ не всегда гарантировала помѣщику обязательное возвращеніе изъ отлучки крѣпостного. Одинъ, напримѣръ, крестьянинъ того-же Голицына, по поручительству другого его крѣпостного, былъ отпущенъ въ 1807 году въ Москву; здѣсь онъ взялъ подрядъ свести, вмѣстѣ съ другими извозчиками, въ дѣйствующую армію казенную аммуницію. Подъ однимъ мѣстечкомъ, при отступленіи русскихъ войскъ, его возъ съ казенными вещами и паспортомъ попался въ руки непріятеля. Въ Вѣлостокѣ, по приказанію командовавшаго отрядомъ, ему выдано было свидѣтельство на свободное проживаніе, съ которымъ онъ и пристроился къ арміи марьянтантомъ. Дѣло оказалось выгоднымъ и крѣпостной совѣтъ забылъ о своемъ помѣщикѣ, но тотъ его не забылъ и по истеченіе срока его паспорта заставилъ поручителя отыскать и водворить его на мѣсто; поручитель принужденъ былъ отправиться на поиски и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по какимъ-то темнымъ слухамъ, ему удалось найти, поймать бѣглеца и представить его помѣщику.

Между бѣглыми помѣщичьими крестьянами встрѣчалось немало людей съ громадной силой воли и съ замѣчательной энергіей. Куда только ни забирались эти землепроходцы въ своихъ поискахъ лучшей доли. Не было угла въ обширномъ нашемъ отечествѣ, куда-бы ни проникалъ бѣглый, не было сосѣдней страны, куда-бы онъ ни заглядывалъ; то промышленникомъ, то рабочимъ, то монахомъ, то удалымъ добрымъ молодцемъ бродилъ онъ по всѣмъ направленіямъ государства и за его предѣлами, тяготѣя, впрочемъ, больше къ востоку. Припомнимъ, что изумительной, отчаянной храбрости этихъ людей, поражаю-

щей ихъ выносливости и терпѣнію обязана Россія присоединеніемъ къ своей территоріи обширной Сибири и первоначальнымъ заселеніемъ ея пустынь. Этимъ натурамъ, разбѣяннымъ въ народѣ, было тѣсно подъ крѣпостнымъ гнетомъ, не мирились они съ крѣпостнымъ ярмомъ, но и не боролись съ нимъ, потому что бѣжать было легче: какова нибыла, — все-же воля подѣ бокомъ и воспользоваться ею было легко, а идти противъ всего строя жизни, бороться съ гидрой трудно и опасно, — и они бѣжали. Бѣжить, напримѣръ, въ 1849 г. отъ помѣщика Бестужева-Рюмина, изъ семеновскаго уѣзда, кузнецъ; дома онъ оставилъ жену и работалъ то въ Казани, то въ Астрахани, то въ Уральскѣ; года черезъ четыре, разъ ночью, пришелъ онъ въ свою деревню, взялъ жену и съ нею снова отправился на волю. Переходя изъ города въ городъ, дошли они такимъ образомъ до башкирскихъ кочевьевъ и тамъ цѣлый годъ работали по улусамъ для башкиръ таганы; отъ нихъ отправились на Кавказъ; но женѣ не подѣ силу показалась такая бродячая жизнь и она стала проситься у мужа на родину, тотъ отпустилъ ее, а самъ ушелъ въ Сибирь. Другой крестьянинъ, также ремесленникъ, судостроительный мастеръ, жилъ по паспортамъ въ Астрахани и Уральскѣ, но помѣщикъ отказалъ въ слѣдующій разъ выдать ему паспортъ, тогда онъ купилъ себѣ для прохода фальшивый и ушелъ въ Персію. Одинъ бѣжить въ Сибирь, на желѣзные заводы Демидова, живетъ тамъ два года, но житье оказывается плохое, работа тяжелая, а плата ничтожная и онъ бѣжить „глухими“ дорогами въ Польшу, куда и приходитъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Волѣ энергичные изъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ направляются за границу и преимущественно въ Турцію. Упоминаемый уже выше крестьянинъ Салтыкова, Шиповъ, бѣжавшій отъ помѣщика въ 1831 году, такъ рассказываетъ о своемъ побѣгѣ и о причинахъ, побудившихъ его на это. „Родитель мой съ малолѣтства началъ торговать и современемъ пріобрѣлъ значительный капиталъ и кредитъ, выстроилъ въ деревнѣ большой каменный домъ; но вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала увеличивался и оброкъ помѣщику, такъ

что въ послѣднее время онъ платилъ ему болѣе 4000 рублей. Богатство и связи родителя побудили помѣщика возложить на него обязанности управляющаго и вотчиннаго повѣреннаго. Въ этой должности онъ пребылъ къ совершенному своему отягощенію семь лѣтъ, не получая ни какого вознагражденія и даже оброкъ съ него господинъ не уменьшилъ. Отецъ померъ. Непрошло и 17 дней со дня его смерти, какъ вотчинные начальники посадили меня подъ строгій караулъ, приказчиковъ и рабочихъ отъ меня отослали и изъ кладовыхъ и амбаровъ расхитили разнаго имущества тысячъ на десять. На мою просьбу о защитѣ и возвращеніи растащеннаго имущества помѣщикъ приказалъ освободить меня и далъ снисхожденіе въ томъ только, что вмѣсто 4 т. рублей положено взыскивать съ меня ежегодно оброка 3000 рублей. Но искатели моей гибели разгласили о моемъ положеніи и тѣмъ лишили меня кредита, безъ котораго, а также и безъ имѣнія я не предвидѣлъ ни какихъ средствъ къ выполненію положенія г. Салтыкова, а потому видя предстоящую очевидную мнѣ гибель, сдѣлалъ я расчетъ съ кредиторами, прекратилъ промыселъ и оставя семилѣтнюю дочь свою, вмѣстѣ съ женою отправился сначала въ Москву. Въ Москвѣ Шиповъ жену оставилъ, а самъ поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ жилъ его родственикъ Ланинъ, бѣжавшій отъ Салтыкова же и по манифесту въ 1828 г. приславшійся въ Харьковъ въ мѣщанство. Ланинъ какими-то путями изъ онуфріевского уѣзднаго казначейства досталъ ему паспортъ на имя кишиневскаго жителя Григорія Кислова съ женою; съ этимъ паспортомъ отправился онъ за женою и вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ въ Кишиневъ; съ ними-же бѣжалъ изъ Харькова и Ланинъ и хорошо зная всѣ тамошніе порядки, выправилъ отъ кишиневского губернатора одиннадцатимѣсячный заграничный паспортъ, съ которымъ всѣ трое и отправились въ Молдавію, въ г. Яссы, торговали здѣсь мѣсяца 4, затѣмъ переѣхали въ Галаць. Отсюда Ланинъ, взявъ у Шипова значительную часть его капитала, тысячъ 6, съ своими 4 тысячами рублей отправился за товаромъ въ Константинополь, но захворалъ тамъ и померъ. Шиповъ

съ женою возвратился въ Яссы; здѣсь онъ выправилъ паспортъ, чтобы ѣхать за имуществомъ Ланина въ Константинополь, но по какимъ-то обстоятельствамъ раздумалъ и вмѣсто того, переправясь черезъ Дунай, направился въ турецкія владѣнія, къ некрасовцамъ; тамъ онъ жилъ нѣкоторое время, занимаясь у нихъ рыболовствомъ, а потомъ снова воротился въ Яссы и черезъ какихъ-то доброжелателей выправивъ отъ австрійскаго консулства паспортъ на имя австрійскаго подданнаго, отправился черезъ Австрію въ Одессу. Съ этаго времени начинается упорное преслѣдованіе Шипова сыщикомъ Салтыкова. Надобно замѣтить, что отъ этаго помѣщика каждый годъ бѣжало по нѣскольку крестьянъ и все народъ промысловый, приносящій хорошій доходъ своему господину; бѣжали они преимущественно въ Турцію и Молдавію, постоянно переписываясь съ оставшимися на родинѣ родственниками. Помѣщикъ перехватилъ нѣсколько такихъ писемъ, въ которыхъ бѣглецы рисуютъ соблазнительную картину свободной жизни безъ помѣщика, безъ бурмистровъ и безъ рекрутчины и совѣтуютъ перебраться къ нимъ. Такія письма имѣли свое дѣйствіе и побѣги не прекращались. Наконецъ Салтыковъ, не надѣясь на правительственныхъ агентовъ, самъ нанялъ сыщика, и снабдивъ его полномочіями, отправилъ за границу ловить своихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ. Неизвѣстно, имѣли-ли успѣхъ его повѣренный за границей, но Шипова, благодаря его торговой дѣятельности сыщику удалось преслѣдить и въ Одессѣ Шиповъ едва не попался къ нему въ руки, но какъ-то умѣлъ ускользнуть отъ него и переѣзжая изъ города въ городъ, то въ Каменецъ-Подольскъ, то въ Кіевъ, то въ Харьковъ, то въ Херсонъ и т. д., въ то же время ухитрялся вести торговлю, конечно не безъ „доброжелателей“ и посторонней помощи; наконецъ совѣтъ скрылся на нѣкоторое время изъ виду сыщика, пробрался въ кавказскую область и поселился въ Ставрополѣ, занимаясь тамъ также торговлей и комиссіонерствомъ. Благодаря своему нелегальному положенію, тревожимый при томъ же сыщикомъ, онъ много терпѣлъ отъ недобросовѣстности людей, съ которыми приходилось ему вести дѣла, два раза онъ

терялъ такимъ образомъ почти весь свой капиталъ, но какъ-то снова поднимался и опять достигалъ прежняго благосостоянія. Сколько нужно было силъ и энергіи, чтобы, находясь въ положеніи травимаго волка, не опустить рукъ!... И дѣйствительно, его не оставила энергія даже въ тюрьмѣ, которой онъ все-таки не избѣжалъ. Поживъ нѣсколько лѣтъ въ Ставрополѣ, онъ началъ хлопотать о припискѣ къ нятигорскому купечеству, но тутъ наконецъ и былъ пойманъ сыщикомъ и пересланъ въ 1838 году въ Арзамасъ. Дѣло затянулось на долго и шло съ перемѣннымъ для него счастьемъ, но наконецъ передано было въ сенатъ и въ 1845 году состоялось окончательное по нему опредѣленіе. Во все время шестилѣтняго тюремнаго заключенія Шиповъ не переставалъ бороться и осаждалъ судъ прошеніями на Салтыкова и такъ какъ каждое прошеніе сопровождалось взятками и приказной волокитой, то самъ онъ истощенный, выжатый, какъ лимонъ, отданъ былъ наконецъ въ рекруты по приговору сената, а растолстѣвшее по той-же причинѣ до 6-ти громадныхъ томовъ, болѣе чѣмъ въ тысячу листовъ, дѣло о немъ — въ архивъ.

Но личности, подобныя Шипову, да и вообще искавшія въ бѣгахъ опредѣленнаго положенія, постоянныхъ занятій и осѣдлости, составляли меньшинство между бѣглецами; большая-же часть ихъ, вырвавшись на свободу только съ готовыми работать руками, бродяжила по всему государству, перебиваясь поденной работой и пополняя собою многочисленныя отечественныя тюрьмы, въ которыхъ бѣглецы помѣщались крестьяне составляли главный контингентъ колодниковъ. По всѣмъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ непрерывно пересылались они небольшими группами. На сколько обычнымъ въ тогдашней крѣпостной Россіи было это явленіе можно заключить уже изъ того, что, напримѣръ, для пересылки отъ деревни до деревни трехъ, четырехъ бѣглецовъ зачастую употреблялись два 12 — 13-лѣтнихъ мальчика или женщина и благополучно доставляли ихъ по назначенію. Бѣжали конечно нерѣдко бѣглецы отъ такого конвоя, но большинство ихъ, въ виду ли безработицы или зимнихъ холодовъ, пользовалось тюрьмами какъ временнымъ пріютомъ и покорялось своей участи,

тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ всегда можно было рассчитывать хотя быть сытымъ; а нѣкоторые изъ тюремъ за свое хлѣбосоличество пользовались особенною любовью у бѣглыхъ и когда тюрьма была для нихъ неизбѣжною, то они спѣшили назваться бѣглыми изъ того округа, въ районѣ котораго стояла ихъ излюбленная тюрьма. Зима дѣйствительно была главной причиною, заставлявшей бѣглаго идти въ тюрьму; это можно заключить, просматривая списки о колодникахъ старыхъ уѣздныхъ судовъ; изъ нихъ видно, что число бѣглыхъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, въ зимніе мѣсяцы увеличивалось въ два и три раза, въ сравненіе съ лѣтними; наплывъ ихъ начинался съ октября, въ декабрѣ доходить до высшей своей точки и съ января начиналъ понижаться, а въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ процентъ ихъ тамъ самый незначительный, въ другіе-же мѣсяцы бѣглыхъ въ тюрьмахъ и совсѣмъ не было.

Бездомный бродяга жилъ уже другою жизнью, чѣмъ доможитый; онъ не искалъ мѣста, чтобы осѣсть на немъ, не искалъ даже и постоянного заработка, а „шатался, мотался по рѣкамъ—по рѣкамъ глубокимъ, по степямъ широкимъ“, шель туда, гдѣ было больше торговыхъ сношеній и людского движенія. Непрерывнымъ потокомъ двигалась масса этаго безпріютнаго люда по исконной „вольной Божьей дорогѣ“, что

Изъ-за горъ высокихъ,

Изъ-за лѣсу темнаго

Повышла, певытекла

Широка, глубока подъ Базань пошла,

Пошире, подалше—подъ Астрахань.

Она, эта масса, главнымъ образомъ, выводила на себѣ многочисленные караваны судовъ съ рыбой, хлѣбомъ, солью и т. п., шедшіе на макарьевскую ярмарку, въ Рыбинскъ и дальше, до Петербурга. Если по заводамъ, фабрикамъ, помѣщичьимъ имѣніямъ держали бѣглыхъ, то на Волгѣ, гдѣ контроль за ними былъ труднѣе и недавно принимали ихъ охотно. Даже на судахъ съ казеннымъ имуществомъ, шедшихъ подъ надзоромъ правительственнаго агента, нерѣдко можно было встрѣтить бѣглаго. Одинъ бѣглый, крѣпостной Головина, рассказываетъ, на-

примѣръ, что онъ нанялся въ бурлаки на баржу, шедшую съ казеннымъ запасомъ отъ Свияжска до Рыбинска, за 8 рублей, а оттуда до Петербурга за 12 р. 50 к. (это было въ 1781 г.), а оттуда воротился въ Нижній съ поручикомъ, который отправлялъ имущество. Многочисленныя разбойничьи шайки, еще такъ недавно свободно разбѣзжавшія по кормилицѣ Волгѣ, также составлялись изъ этой шатавшейся голодной голытьбы Волга служила богатымъ разсадникомъ и опытной школой для выработки людей этаго сорта. Иногда попадавшіе туда случайно рабочіе втягивались въ этотъ заколдованный кругъ, соблазнясь легкой наживой *). Въ дѣлахъ о бѣглыхъ часто встрѣчаются рассказы ихъ о томъ, какъ они ушли отъ помѣщиковъ по паспорту на работы и бѣжать не думали, а когда истекъ срокъ паспорту, то возвратиться уже не захотѣли, а иногда и нельзя было по какой нибудь причинѣ; и вотъ человѣкъ вступаетъ въ число бродягъ и промышляетъ или бурлачествомъ, или разбоемъ, или тѣмъ и другимъ по-переменно.

Не меньшую массу бродячаго люда кормила другая такая же вольная Вожья дорога — тихій Донъ: тамъ также ходили всякія суда съ товарами и большинство бурлаковъ на нихъ набиралось изъ бѣглыхъ. Бродили бѣгле и по многочисленнымъ хуторамъ широкихъ придонскихъ степей, переходя изъ одного въ другой, съ одной рѣчки на другую, нигдѣ не засиживаясь по долгу. Сегодня онъ работникъ на хуторѣ у казака или помѣщика, завтра бурлакъ на купеческомъ или казенномъ суднѣ, пройдетъ въ лямкѣ до Рыбинска, а то и до Питера, оттуда снова идетъ на югъ наняться къ промышленнику на рыболовныя ватаги Урала, Волги, Дона, на черноморское побережье и т. д.; другіе-же, забравшись на сѣверъ, остаются тамъ и также промышляютъ или рыболовствомъ по берегамъ Балтійскаго моря, или батрачатъ по нѣмецкимъ мызамъ.

---

*) Аристовъ, «Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ дѣсенъ», стр. 100.

II.

Никого такъ не давила помѣщичья власть, какъ дворовыхъ людей, поэтому и бѣжали они отъ помѣщиковъ гораздо чаще, чѣмъ вообще крѣпостные крестьяне. Каждый разъ на вопросъ судьи, почему бѣжалъ отъ своего господина, бѣглый дворовый отвѣчалъ, что убѣжалъ, или отъ тиранства, или нестерпимыхъ напрасныхъ побой, или, иногда, отъ „изнуренія въ пищѣ“. Какъ ни разнообразны типы бѣглыхъ дворовыхъ, но всеѣмъ имъ присуща одна общая черта—это крайняя непрактичность, наивность и совершенное незнаніе жизни виѣ барскаго двора.

Читая показанія возвратившихся изъ бѣговъ или пойманныхъ бѣглыхъ дворовыхъ, все равно—стариковъ или молодыхъ, попадаешь какъ будто въ міръ дѣтей, дѣтей запуганныхъ, съ странными фантастическими представленіями о дѣйствительномъ мірѣ, съ сказочными понятіями о какихъ-то вольныхъ низовыхъ странахъ. Вамъ кажется, что вы слушаете не взрослыхъ людей, а наекзальтированныхъ романами Майнъ-Рида дѣтей, бѣгущихъ отъ своихъ родителей въ Америку искать приключеній, съ тою только разницею, что дворовымъ беглецамъ не до приключеній, ихъ желаніе—хоть день одинъ пробить на вольной волѣ и не чувствовать надъ собою господской плети, не слышать грознаго барскаго окрика. И дѣйствительно, у всеѣхъ ихъ одинъ девизъ—„хоть на часъ воли“. Они бѣгутъ безъ всякихъ опредѣленныхъ надеждъ на будущее, безъ всякаго плана, бѣгутъ, только-бы скрылся изъ глазъ каторжный барскій домъ; а если и есть у ивого изъ нихъ какой нибудь планъ, созданный болѣзненною подѣ влияніемъ господской тиранніи фантазіею, то при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью онъ разлетается въ прахъ и человекъ все равно попадетъ въ какую-то сказочную страну, только не съ молочными рѣками и кисельными берегами, а лицомъ къ лицу съ голодомъ, холодомъ, оказывается совершенно незнакомымъ съ жизнью, не приноровившимся къ ней, безъ воли, безъ энергіи,—понятій совершенно чуждыхъ дворовому, и при

томъ подь постояннымъ страхомъ поимки шныряющими по всѣмъ дорогамъ сыщиками и съ неизбежными въ перспективѣ плетьюми.

Вотъ шестере дворовыхъ въ 1801 году сговорились бѣжать изъ г. Арзамаса отъ помѣщика Чемяданова, человѣка очень лютаго, по показаніямъ дворовыхъ, бѣгавшихъ отъ него весьма часто, сговорились и бѣжали ночью; днемъ скрывался въ лѣсу, боясь показаться на глаза людямъ, а съ наступленіемъ ночи снова пускались ить путь; черезъ нѣсколько сутокъ, пройдя уже довольно значительное разстояніе отъ Арзамаса, нѣсколько ободрились и пошли днемъ, обходя, впрочемъ, попутныя села и ночуя въ лѣсу или овинахъ. Такъ прошли они нѣсколько дней, совершенно не зная, куда ихъ приведетъ дорога; извѣстно имъ только было, что впереди скоро долженъ встрѣтиться г. Шацкъ, о которомъ они отъ кого-то слыхали, дальше-же если и не конецъ свѣта, то совершенно неизвѣстная страна и неизвѣстные люди; да и не думалъ никто изъ нихъ, куда они придуть и что съ ними будетъ, одно было желаніе — лишь-бы куда нибудь уйти. Они сами послѣ говорили, что „не знали, гдѣ имѣть совершенное укрывательство и проживаніе“ и шли, „толькобъ гдѣ можно было пробыть сколько нибудь времени и удалиться отъ господина своего“. Въ этихъ словахъ слышится совершенная безнадежность на какое нибудь человѣческое существованіе впереди; они даже мечтать не смѣли, что совсѣмъ оставили своего мучителя, что могутъ и не встрѣтиться съ нимъ никогда, нѣтъ, „толькобы пробыть гдѣ сколько нибудь времени безъ барина“, передохнуть-бы малость отъ каторжной жизни, хоть разъ въ жизни ощутить въ себѣ человѣка, а тамъ, пожалуй, и опять въ то же ярмо и на безконечное трепетаніе передъ грознымъ бариномъ. Да и трудно человѣку, обращенному уже въ машину, не знавшему другой воли и другого желанія, кромѣ воли и желанія своего господина, ориентироваться въ новыхъ обстоятельствахъ, когда отъ него, лишеннаго самыхъ необходимыхъ качествъ человѣка, потребовалось вдругъ рѣшить: куда идти, что дѣлать, какъ поддержать свое существованіе. Прежде у него была одна только забота — исполнить при казаніи барина, а затѣмъ

такъ или иначе онъ будетъ одѣтъ и накормленъ и вообще размышлять и дѣйствовать за себя ему не приходилось. Съ барскаго двора его гналъ инстинктъ самосохраненія, и не сознательное разумное рѣшеніе. И человекъ не выдержалъ этой воли, требовавшей отъ него силъ и энергіи. Прошло только десять дней, какъ они бѣжали, а уже двое отказались искать лучшей доли и воротились. Одному изъ нихъ было 37, а другому 39 лѣтъ, что стало съ прочими — неизвѣстно (Дѣло № 324, 1801).

Отъ того-же помѣщика бѣгутъ двое дворовыхъ, еще молодыхъ — парикмахеръ и поварь, бѣгутъ отъ истязаній; они направились въ Уральскъ, гдѣ, какъ они не разъ слышали, „бѣглецы проживаніе свободное имѣютъ“, но и на этотъ разъ одинъ изъ нихъ дошелъ только до Ардатова, симбирской губерніи; неизвѣстность и непривычная дальняя дорога пугали его пуще барскаго мучительства и онъ воротился съ повинной къ своему барину. Другой пошелъ далѣе и дошелъ уже до Самары, но повстрѣчалъ на дорогѣ какого-то казака, вѣхавшаго въ городъ съ сѣномъ, въ разговорѣ съ нимъ откровенно назвалса бѣглымъ и тотъ представилъ его въ полицію; въ полиціи показалъ на допросѣ, что бѣжалъ отъ помѣщика, не стерпя его истязаній, но будучи отправленъ въ арзамасскій уѣздный судъ, заявилъ тамъ, что на барина „наклепал“, что онъ у нихъ добрый и что бѣжалъ „по глупости“. И вообще рѣдкіе изъ бѣглыхъ въ своихъ уѣздныхъ судахъ рѣшались говорить дурно о помѣщикахъ: каждый зналъ, что помѣщикъ отъ этого ласковѣе съ нимъ обращаться не будетъ, потому-то и показанія большинства бѣглыхъ отличаются краткостью и неполнотою, чувствуется, что допрашиваемый боится сказать лишнее на свою голову и только иногда одна мѣткая фраза, сказанная будто невзначай, говорить болѣе, чѣмъ сколько желалъ-бы допрашиваемый. Любопытно въ этомъ отношеніи сужденіе одного современника, васильскаго исправника, лица, слѣдовательно, административно-судебнаго, который, защищая крестьянина, обвинявшагося въ неуважительномъ отзывѣ о какомъ-то указѣ, не существовавшемъ, впро-

чемъ *), и объясняя, почему крестьянинъ ничего не скрывалъ отъ сельскихъ властей изъ сказаннаго имъ объ указѣ, а въ уѣздномъ судѣ во всемъ „учинилъ заpiresательство“, говорить: „поелику я довольно при производимыхъ слѣдствіяхъ замѣтилъ, что крестьяне въ отвѣтахъ своихъ всема несообразны съ правдоподобіемъ отъ единого ихъ недоразумѣнія, ибо они думаютъ—что ими сказано или сдѣлано, которое дошло до присутственнаго мѣста, есть совершенная бѣда“. И едва-ли кого, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими старыми уѣздными судами, удивить такое къ нимъ отношеніе крестьянъ и ихъ „недоразумѣніе“.

Пока дворовый человѣкъ осязательно и непрерывно чувствуетъ тяжесть своего подневольнаго существованія, выражающагося въ той или другой формѣ, въ немъ, естественно, конечно, желаніе избѣжать этой тяжести, фантазія его работаетъ, случайно слышанные разговоры о дальнихъ невѣдомыхъ странахъ, о вольныхъ казакахъ слагаются въ полуфантастическую картину и при первомъ предстоящемъ наказаніи за какое-нибудь плохо вычищенное платье, за разбитую тарелку страхъ и соблазнительная картина вольной жизни, заставляютъ двороваго бѣжать; но дойдя до перваго села, человѣкъ вдругъ теряется, у него и на лицѣ написанъ испугъ и нерѣшительность, онъ сразу бросается въ глаза своимъ страннымъ видомъ; какъ-же ему миновать ружь, обязанность которыхъ брать за шиворотъ подозрительнаго человѣка? И онъ не избѣжитъ ихъ. Вѣжитъ, напримеръ, одинъ дворовый, „убоясь побой, съ намѣреніемъ такимъ, чтобы пробраться въ дальнія низовыя страны, къ армянамъ“. Гдѣ эти дальнія страны, онъ не зналъ и, пока-что, бродилъ по окрестностямъ; дня черезъ три его взяли, били плетми и водворили къ барину. Баринъ обѣщалъ его также бить и про-

---

*) Указъ выдумалъ крестьянинъ села Толбы Молевъ, заявляя на мірскомъ сходѣ, что у него есть царскій указъ, «коимъ повелѣвается престарѣлымъ людямъ не жить въ ряду съ крестьянами, а селиться въ отдаленіи», на что крестьянинъ Маторинъ, старикъ 76 лѣтъ, и сказалъ, что «на таковой указъ онъ, Маторинъ и к... испустить не боится» (Дѣло № 50—2863, 1802 года).

дать, какъ человѣка не надежнаго, и онъ снова бѣжалъ, хотѣлъ пройти на макарьевскую ярмарку, „чтобы сыскать казака или другого какого человѣка, которые бѣ его увели въ дальнія страны“. Въ этотъ разъ онъ уже боялся свободно ходить по селеніямъ и „укрывательство имѣлъ“ больше въ оврагахъ и лѣсахъ, выходя въ деревни только выпросить хлѣба, хотя въ Макарьевѣ идти медлилъ и бродилъ въ окрестностяхъ, выжидая какого нибудь товарища. Дней черезъ пять послѣ побѣга зашелъ онъ въ торговое село, въ базарный день; здѣсь какой-то сотскій спросилъ его, кто онъ и откуда, тотъ растерялся, назвался сначала нищимъ, а потомъ и сознался.

Какъ образецъ крайней запуганности, совершеннаго отсутствія способности управлять своими дѣйствіями и жить за свой страхъ, приведемъ въ примѣръ побѣгъ другого двороваго, 20 лѣтъ отъ роду. Баринъ его, васьильскій помѣщикъ Станиславскій, за неисправную чистку платья, побилъ его „келейно“, а на утро велѣлъ приготовиться къ битью батогами. Предстоящая экзекуція, съ которою онъ уже не разъ былъ знакомъ, такъ устарила его, что послѣ ужина, когда въ домѣ все заснуло, онъ одѣлся въ тулупъ (дѣло было зимою) и ушелъ, что-бы скрыться куда нибудь подальше и „проживать въ безъизвѣстїи“. Этой ночью дошелъ онъ до села Русскаго Моклокова, гдѣ зналъ одного крестьянина, но къ нему не зашелъ, а пролежалъ весь тотъ день въ овинѣ и только къ вечеру, проголодавшись, подошелъ къ его дому и попросилъ накормить себя; на вопросъ крестьянина, кто онъ и откуда, сказалъ, что г. Станиславскаго дворовый и идетъ недалеко, „но какъ-то спутался въ рѣчахъ, говорилъ онъ послѣ на судѣ—и сознался ему, что бѣжалъ отъ барина“; крестьянинъ не впустилъ его къ себѣ въ домъ, боясь очевидно отвѣтственности за укрывательство и давъ ему 15 к., велѣлъ уходить. Послѣ этаго онъ побоялся идти въ какой нибудь крестьянскій домъ: а между тѣмъ наступила ночь, на дворѣ холодно, и не зная, что дѣлать, пошелъ онъ въ кабакъ; здѣсь встрѣтилъ какого-то крестьянина, прозваньяемъ Бушуй и припомнилъ, что этотъ Бушуй за что-то назадъ тому нѣсколько

лѣтъ бариномъ его былъ наказанъ кнутомъ „и по подозрительному такому случаю рѣшился“, передаетъ онъ, „открыться оному Бушую“. Встрѣча эта весьма его обрадовала и не только потому, что съ Бушоемъ можно было поговорить и получить какой нибудь практической совѣтъ, какъ отъ человѣка, не цитавшаго нѣжныхъ чувствъ къ его барину, сношенія съ которымъ у него были запечатлѣны поркой, но, пожалуй, и болѣе дѣйствительную помощь. И онъ не ошибся: Бушуй принялъ его подъ свое покровительство и укрылъ въ своемъ дѣмѣ. Но у этаго Бушуй былъ братъ, отставной сержантъ, который, провѣдавъ объ укрывающемъ, „возымѣлъ намѣреніе поймать его“; тогда Бушуй передалъ нашего бѣглеца своему сыну, сидѣльцу въ кабацкѣ; тотъ помѣстилъ его гдѣ-то за печкой и держалъ нѣсколько дней; но сержантъ очевидно слѣдилъ за нимъ и узналъ о его пребываніи въ кабацкѣ; Бушуй починимъ временемъ опять его беретъ къ себѣ и видя безпомощность своего кліента, до времени укрываетъ. Черезъ нѣсколько времени Бушую встрѣтилась надобность ѣхать въ сосѣднее село на базаръ и бѣглець боится остаться безъ него. „поелику“ объясняетъ онъ ему, „рѣченный сержантъ придетъ и меня поймаетъ“, тогда Бушуй беретъ его съ собою и по дорогѣ оставляетъ въ одной деревнѣ у знакомаго татарина, назвавъ его своимъ зятемъ и сказавъ, что очъ дорогою заболѣлъ. Дворовый, должно быть, имѣлъ такой видъ, что на посторонняго производилъ дѣйствительно впечатлѣніе больного и сердобольный татаринъ истощилъ для него баню. Но сержантъ не дремалъ, онъ прослѣдилъ, накрылъ мнимо-больного въ банѣ и доставилъ его, куда слѣдовало (Дѣло № 550, 1803 г.).

Удивляться нужно, какъ при грубомъ, часто безчеловѣчномъ обращеніи помѣщиковъ съ дворовыми, послѣдніе еще могли сохранить въ себѣ вѣру въ человѣка, тѣмъ болѣе въ барина. Одинъ старичекъ, дворовый 67 лѣтъ, рассказываетъ, что баринъ его съ дворовыми обращается жестоко, „почасту и немилостиво бьетъ“ и какъ, не стерпя мучительства, онъ убѣжалъ отъ него; „въ бѣгахъ, по дряхлости, быть мнѣ было неспособно: а зналъ

я въ пензенской губерні одного добраго помѣщика и дворовыхъ онъ не тиранилъ и подумавъ пошелъ къ нему выпросить на выкупъ себя денегъ, чтобы послѣ заслужить ихъ ему“. „Добрый помѣщикъ“ отправилъ его въ полицію. Въ уѣздномъ судѣ, за побѣгъ, его наказали 15 ударами плети, спросивъ предварительно, желаетъ-ли онъ ихъ получить, такъ какъ для стариковъ тѣлесное наказаніе замѣнялось арестомъ, на что старикъ „выразилъ удовольствіе“.

Другой дворовый, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, былъ проданъ своимъ бариниомъ васьскому солянному приставу. Жить у новыхъ господъ было плохо и вотъ, „не стерпя отъ госпожи своей тѣлесныхъ мученій“, вздумали они бѣжать (въ 1786 г.). Но жить въ бѣгахъ съ женою и малыи дѣтьми, да еще не зная ни ремесла, ни крестьянскихъ работъ, было-бы, пожалуй, не лучше, чѣмъ у пристава; и задумалъ дворовый такую комбинацію: видѣлъ онъ часто у барина въ кабинетѣ лежить на столѣ какая-то гербовая бумага, думается ему, что это купчая крѣпость на его семью: желаніе украсть купчую совсѣмъ поселило въ немъ увѣренность, что это она именно и есть. Взять этотъ документъ, явиться къ прежнему своему барину, думаетъ онъ, тотъ его возьметъ, а пристава нельзя будетъ безъ документа доказать, что онъ съ своею семьей принадлежитъ ему -- и тогда конецъ мучительству. Такъ онъ и сдѣлалъ, но прежній баринъ ихъ не взялъ и отправилъ въ судъ.

Одинъ такой-же наивный дворовый бѣжалъ отъ жестокаго барина и года черезъ три былъ пойманъ и чтобы не попасть опять къ нему, назвалъ дворовымъ другаго помѣщика, котораго зналъ за человѣка добраго, думалъ, что онъ возьметъ его и на казывать не будетъ, но также ошибся въ разчетахъ.

Не одна жестокость помѣщиковъ заставляла бѣжать отъ нихъ ихъ дворовыхъ, были и другія причины. Такъ пойманные бѣглецы дворовые княгини Мансуровой, изъ арзамасской ея вотчины, показали, что разбѣжались, „будучи не въ состояніи переносить голода отъ мало выдаваемой госпожею пищи“, а также отъ „излишнихъ во дворѣ ея взысканіевъ и изнуренія“, но за то

она заботилась о просвѣщеніи своихъ дворовыхъ: всѣ они были грамотные. Излишняя экономія дѣлала иногда господъ безчеловѣчными въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ, особенно потерявшимъ доходность. Помѣщица Безсонова, напримѣръ, своего дворового, 75-лѣтняго старика, послала изъ села своего Спаскаго, арзамасскаго уѣзда, въ Нижній Новгородъ искать работы и для него еще нашлась какая-то, но онъ потерялъ паспортъ и былъ высланъ къ своей госпожѣ. Другой дворовый, также старикъ 65 лѣтъ, портной, былъ отпущенъ на оброкъ; онъ пошелъ искать работы зимой, но на дорогѣ замерзъ, потому, полагать надо, что одѣтъ былъ въ какое-то тряпье, а зима была холодная.

Многіе помѣщики лишніе непроизводительные рты изъ своихъ дворенъ сдавали въ аренду для послугъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными, чаще купцамъ и мѣщанамъ, но такъ называемымъ вѣрющимъ письмамъ, все значеніе которыхъ заключалось въ томъ, что помѣщикъ, отдавая своего крѣпостного (яко бы для продажи) извѣстному лицу, предоставлялъ ему право, пока тотъ не продастъ крѣпостного, пользоваться имъ для своихъ услугъ, даже женить или выдавать замужъ, наказывать и вообще пользоваться всѣми прерогативами помѣщика; отданные по такимъ письмамъ крѣпостные обыкновенно и оставались у того лица, кому были переданы, неопредѣленное время, пока въ нихъ имѣлась надобность. Эти вѣрющія письма, хотя и противорѣчили смыслу закона (1812 года), запрещавшаго выдавать ихъ и совершать по нимъ купчія крѣпости на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли, но все-таки выдавались помѣщиками еще и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія *). Положеніе этихъ арендованныхъ людей было часто худшее, чѣмъ въ дворнѣ помѣщика и дѣлъ о побѣгахъ ихъ отъ разночинцевъ встрѣчается, сравнительно, очень много. Арендаторы смотрѣли на нихъ не какъ на постоянную доходную

---

*) См. книгу В. И. Семевского „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, стр. 487 и 488.

статью, которая перейдет и къ ихъ наслѣдникамъ и которую истощить во всякомъ случаѣ неразсчитливо, а какъ на временную, и старались, конечно, какъ можно болѣе ее эксплуатировать. По такому вѣрющему письму князь Чегодаевъ въ 1802 году отдалъ нижегородскому купцу Кузнецову дѣтей своего дворового — двухъ дѣвочекъ и мальчика лѣтъ 10. Какова была жизнь дѣвочекъ — неизвѣстно, но мальчикъ рассказываетъ, что послѣдніе годы, когда ему было лѣтъ 17—18, Кузнецовъ отдавалъ его въ работу въ годъ за 40 рублей, изъ которыхъ выдавалъ ему на одежду и другія потребности 5 рублей, и онъ „не стерпя такого налога и разныхъ чинимыхъ ему притѣсненій, подговоря своихъ сестеръ“, вмѣстѣ съ ними бѣжалъ къ своему помѣщику. Приведемъ другой случай, гдѣ астраханскимъ помѣщикомъ Гартановымъ былъ проданъ дворовый мальчикъ 15 лѣтъ астраханскому же купцу Баранову (1795 г.). Въ данномъ случаѣ ни купецъ, ни помѣщикъ и не подумали сдѣлать какойнибудь обходъ закону, запрещавшему купцамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ, да и не было въ этомъ очевидно ни какой надобности, потому что уѣздный судъ не препятствовалъ совершенно незаконной купчей крѣпости. Мальчикъ прожилъ у купца только одинъ годъ, потому что тотъ всегда его билъ, часто безвинно, и убѣждалъ отъ него. Въ Астрахань стекалось много всякаго бродячаго бездомнаго люда и селилось, какъ въ самомъ городѣ, такъ и по окрестнымъ деревнямъ и только крайняя голытьба обитала по густымъ камышамъ близъ города. Мальчикъ скоро повстрѣчалъ въ городѣ какого-то бѣглаго, а они всегда помогали, чѣмъ могли, своему брату, и въ этомъ случаѣ бѣглый оказалъ своему маленькому собрату нѣкоторое покровительство: онъ свелъ его на суда, отправляющіяся съ товарами вверхъ по Волгѣ, чтобы наняться на какоенибудь изъ нихъ въ бурлаки и пробраться, какъ хотѣлось мальчику, „въ верхнія селенія и найти тамъ себѣ къ жительству безопасное мѣсто“. Какой-то купецъ принялъ ихъ обоихъ на свою баржу, шедшую съ солью, но, какъ безпаспортныхъ, безъ ряды. Шли они въ бечевѣ только до Казани и получивъ тамъ расчетъ (мальчику далъ купецъ 5 р.),

пошли вверхъ по Волгѣ, кажется безъ всякаго опредѣленнаго плана и дошли до Ярославля, прощитываясь на тѣ деньги, что получили въ Казани. Наступила осень; приближалась зима; нужно было искать какое нибудь пристанище до теплыхъ весеннихъ дней, когда можно будетъ рассчитывать на гостепримство полей, лѣсовъ и рѣкъ. Дѣло это было не легкое; каждому приходилось промышлять о себѣ самомъ и товарищѣ, да еще весьма молодой слабый мальчикъ, былъ-бы въ этомъ случаѣ одной тяжелой обузой. И вотъ маленькій скиталецъ остался одинъ, въ незнакомомъ городѣ, — товарищъ бросилъ его. Что было дѣлать, куда идти? Теплаго платья нѣтъ, а осень уже наступила... Онъ пошелъ назадъ, безъ цѣли, безъ надежды; въ карманѣ оставались послѣдніе гроши отъ лѣтняго заработка, да и они скоро вышли; пришлось выпрашивать хлѣбъ подъ окнами. Дождливая ненастная погода смѣнилась стужей поздней осени. Добравшись до Нижняго, онъ совсѣмъ изнемогъ. Оставался одинъ исходъ — проститься съ этой ужасной волей и идти въ тюрьму и онъ объявилъ о себѣ въ уѣздномъ судѣ. Секретарь суда, за малолѣтствомъ, до окончанія объ немъ дѣла, взялъ бѣглеца къ себѣ на поручительство (все-же даровая прислуга). Но здоровье мальчика было подломлено; онъ заболѣлъ и скоро умеръ.

Какъ непрочна была насильственная связь дворовыхъ людей съ своими помѣщиками, даже если послѣдніе и не отличались жестокостью въ обращеніи съ ними, видно изъ того, что она обрывалась какъ-бы ненамѣренно, случайно, при какомъ нибудь малозначительномъ обстоятельстве, напоминавшемъ дворовому о его положеніи. Баринъ (вышеупомянутый помѣщикъ Станиславскій) посылаетъ своего слугу къ какой-то солдаткѣ за своей иконой. Онъ отправился, ни о чемъ, кромѣ приказанія господина, очевидно не думая; прѣзжаетъ и передаетъ солдаткѣ приказаніе барина; но ей почему-то самой нужно передать барину эту икону и они ѣдутъ вмѣстѣ. Дорогою заходитъ у нихъ разговоръ о томъ, что живутъ они не по-божески; слуга передаетъ ей о своей горькой подневольной жизни; жизнь солдатки тоже не богата радостями. У обоихъ сильно желаніе иной, лучшей

жизни. Знаютъ они, что въ лѣсахъ за Волгою есть старообрядческіе скиты и живутъ тамъ люди въ тиши, вдали отъ міра. И недолго думая круто поворачиваютъ они свою лошадь и направляются за Волгу. Ихъ скоро задержали.

Отъ помѣщика Трескина изъ арзамасскаго уѣзда бѣгутъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, побуждаемые только желаніемъ вольности („захотя быть вольными“). Дошли до села Лыскова; нѣсколько дней перебивались тамъ поденною работою; но такая воля имъ скоро наскучила: только одинъ остался, а прочіе, „будучи угрызены совѣстію“, воротились (1816 г.).

Также неудачно кончилась попытка жить на свободѣ другого мечтателя. Онъ былъ слугою князя Голицына и жилъ при немъ въ Москвѣ (1835 г.). Понятія о волѣ теоретически онъ имѣлъ болѣе разработанными, чѣмъ у дворовыхъ, встрѣчавшихся намъ до сихъ поръ. Уметвенная жизнь столицы хотя отчасти все-же проникала въ лакейскія барскихъ домовъ и кругозоръ этихъ дворовыхъ былъ шире, чѣмъ у ихъ деревенскихъ собратьевъ; но въ практическомъ осуществленіи этихъ запретныхъ для нихъ понятій они также оказывались неспособными; не осуществилъ ихъ и нашъ дворовый, которому, какъ и вообще всѣмъ дворовымъ, находившимся при личныхъ услугахъ своимъ господамъ, жизнь трудовой массы народа была чужда. Выйдя изъ обычной колеи своей жизни и попадая въ трудовую массу, они не могли справиться съ тѣми требованіями, какія предъявляла имъ жизнь этой среды и недолго неумѣлые горемыки-пловцы могли продержаться на поверхности житейскаго моря; они или гибли въ чуждой имъ стихіи, или выбрасывались ею въ родную, хотя и ненавистную сферу своей жизни. Нашъ дворовый (27 л.), имѣя въ карманѣ 6 рублей, вышелъ изъ Москвы и направился въ низовые города. Пока еще не были израсходованы всѣ деньги, онъ не измѣнялъ курса и, хотя медленно, но подвигался къ Волгѣ; но вотъ деньги всѣ вышли и оказалось, что они были единственной гарантіей его предпріятія и вольнодумныхъ вождельній или, какъ онъ выразился послѣ въ судѣ, — „предразсудка быть свободнымъ“; а что его стремленіе къ свободѣ было пред-

разулкою, — въ этомъ онъ убѣдился, когда „пропитаніе стало трудное, пристанища, которое онъ имѣлъ раньше на постоялыхъ дворахъ, нигдѣ безъ денегъ не могъ имѣть“. Добравшись кое-какъ до г. Макарьева, онъ передалъ себя на попеченіе тамошнихъ властей и благополучно доставленъ былъ ими по назначенію.

Не могли конечно вѣрить въ привязанность къ себѣ своихъ дворовыхъ и сами помѣщики и для предупрежденія ихъ побѣговъ придумывали разные способы; къ числу этихъ способовъ относится и гоненіе на грамотность, которая считалась нѣкоторыми изъ помѣщиковъ одною изъ причинъ, способствовавшихъ побѣгу ихъ крѣпостныхъ (что, впрочемъ, было не безъ основательно) и исключалась изъ обихода двора. Такъ арзамасская помѣщица Недосѣкина, заявляя уѣздному суду о побѣгѣ въ 1808 году двухъ своихъ дворовыхъ людей, которые, написавъ отъ ея имени отпускное письмо, получили изъ казначейства паспорта, пишетъ въ своемъ заявленіи, что она не позволяла никому изъ своихъ дворовыхъ учиться грамотѣ, опасаясь, что они будутъ писать себѣ фальшивые паспорта и разбѣгутся отъ нея, и отбирала отъ нихъ чернила и бумагу, если у кого-нибудь ихъ замѣчала; но дворовый, написавшій фальшивое отпускное письмо, грамотѣ выучился тайно и хотя объ этомъ она и узнала послѣ случайно, но никогда не позволяла ему писать отъ ея имени никакихъ писемъ, а приглашала для этой цѣли дьякона.

Нерѣдки были случаи подобнаго злоупотребленія грамотностью дворовыми, но иногда они пользовались ею и для болѣе высокихъ цѣлей. Въ одномъ дѣлѣ о побѣгѣ въ 1787 году отъ князя Николая Сергѣевича Долгорукова двороваго его человѣка, по ремеслу живописца, намъ встрѣтились весьма интересные по содержанію стихи его, найденные при немъ вмѣстѣ съ другими бумагами; въ этихъ стихахъ онъ описываетъ свою жизнь у князя и побѣгъ, а потому мы и приводимъ ихъ здѣсь.

Охъ, какъ былъ-то я добрый молодецъ во неволюнкѣ,
 Во неволюнкѣ, въ домѣ господскімъ.
 Служилъ я своему князю вѣрой-правдою,
 Ужъ тому князю строгому,

Князю Николаю Сергѣичу Долгорукову;
Служилъ я ему тринадцать лѣтъ,
Не заслужилъ я себѣ славы добрыя,
Славы добрыя, чести-милости.
Не видалъ я дней веселыхъ,
А всегда я былъ во кручинушѣ.
Безъ резону онъ всегда гнѣвался,
Безъ вины онъ насъ наказывалъ,
Онъ наказывалъ насъ всегда палочьемъ,
А послѣ того подъ караулъ сажалъ,
Подъ караулъ сажалъ на хлѣбъ, на воду.
Заставлялъ работать въ зеленомъ саду,
По прешпехтамъ березовымъ,
По дорогамъ зеленымъ.
Что копали мы пруды глубокіе,
Огораживали двory птичныя.
Запретилъ онъ намъ по ночамъ гулять,
По ночамъ гулять, въ хороводъ ходить,
Заказалъ онъ намъ и пьянствовать;
Сего я отъ роду не зналъ и за то я присягу принималъ.
И тому князь вспыльчивый не увѣрился.
Ужъ онъ сталъ склонять во массонію,
Во массонію—вѣру проклятую.
И за то меня хотѣлъ жаловать:
Онъ давалъ мнѣ платья цвѣтными,
Награждалъ меня золотой казною;
И онъ симъ прахомъ не прельстилъ меня,
За которое беззаконіе онъ прогнѣвался.
Посадилъ меня на круглый стулъ,
Надѣлъ на меня ожерелочекъ,
Еще сковалъ мнѣ ноги скорыя,
Ноги скорыя, руки бѣлыя.
И хотѣлъ меня наказывать.
И того мнѣ не случилось;
Всѣ желѣзцы съ меня свалилися,
Ожерелочекъ съ меня и такъ скочилъ,
Что съ того время я гулять пошелъ,
На чужую дальну сторону,
Что во ту-ли землю шведскую,
Въ которой жилъ я ровно два года.

Въ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ не рѣдкою были цѣлые оркестры своихъ музыкантовъ, хоры пѣвчихъ и даже цѣлыя труппы артистовъ, набираемыхъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Помѣщики не жалѣли денегъ на обученіе дворовыхъ разнымъ искусствамъ, чтобы потѣшить свое тщеславіе, блеснуть передъ заѣзжимъ гостемъ талантами своихъ рабовъ. Иногда изъ среды

этихъ рабовъ-артистовъ, музыкантовъ, художниковъ выдѣлялись дѣйствительно высокоталантливые люди. Легко себѣ представить, какова была участь этихъ на погибель себѣ образованныхъ рабовъ. Стоять иногда во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше своего самодура-повелителя, сознавать это и въ тоже время чувствовать себя въ его власти, исполнять все его капризы, однимъ словомъ, быть вещью въ рукахъ этого человѣка — положеніе ужасное. А между тѣмъ въ эпоху крѣпостничества такія трагическія положенія часто разыгрывались въ жизни барскихъ усадебъ. Мы приведемъ здѣсь, для примѣра, одно дѣло о самоубійствѣ двороваго-художника Мясникова, разбиравшееся въ арзамаскомъ уѣздномъ судѣ въ 1828 году. Онъ учился въ художественной школѣ Ступина. Своими талантливыми картинами обратилъ онъ на себя вниманіе академіи художествъ и с.-петербургскаго общества поощренія художествъ. Последнее предложило за него его помѣщику выкупъ въ 2000 рублей. Помѣщикъ раньше и самъ общался своему крѣпостному отпустить его на волю; какъ рассказывали, со словъ Мясникова, его товарищи; но узнавши, должно быть, что крѣпостной его сталъ не простой богомазъ, а художникъ, за которымъ признанъ ведоужинный талантъ даже академіею художествъ, отказалъ отпустить его на волю и объявилъ Мясникову, что его художественное образованіе кончено и чтобы онъ собирался къ нему въ помѣстье. Талантливая натура крѣпостного, жаждавшего знаній, надѣявшагося на дальнѣйшее развитіе своего таланта и уже предвидѣвшаго въ скоромъ будущемъ желанную свободу, до того потрясена была этимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ господина, что онъ не вынесъ и черезъ нѣсколько дней застрѣлился.

Года за два передъ этимъ самоубійствомъ аналогичное ему произошло въ художественной мастерской того-же Ступина. На этотъ разъ застрѣлился дворовый человѣкъ самого Ступина Андреяновъ. Онъ былъ женатъ и жену свою очень любилъ; („даже смирѣнаго взгляда никогда отъ него на меня не было“, говорить она), но имѣлъ „гибельную“ страсть къ чтенію книгъ и она-то привела его къ самоубійству. Все ученики, его това-

рищи, жена и самъ Ступинъ объяснили причину его самоубійства „начитанностію разныхъ сочиненіевъ“. Между тѣмъ положеніе его у Ступина было лучше, чѣмъ положеніе большинства дворовыхъ: Ступинъ, по заявленію жены Андреянова, даже никогда не ругалъ ихъ. Какъ опасно было задумываться о своемъ положеніи крѣпостному дворовому, видно изъ того, что большинство ихъ самоубійствъ происходило отъ этой задумчивости. За двумя, тремя исключеніями, когда причины самоубійства, подобно вышеприведеннымъ, называются болѣе или менѣе опредѣленно, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они, обыкновенно, выражаются свидѣтелями одной фразой: „отъ имѣемой въ немъ задумчивости“. Невольно приходитъ при этомъ на память щедринскій „Баранъ непомнящій“, который, увидѣвъ во снѣ вольнаго барана, не вынесъ этаго зрѣлища, затосковалъ, зачахъ и издохъ.

Не вездѣ, конечно, между дворовыми были таланты, большая часть крѣпостныхъ музыкантовъ, артистовъ, поэтовъ, художниковъ и т. д., какъ и вездѣ въ жизни, была заурядной посредственностію, и все-же жизнь ихъ у помѣщиковъ была хуже, чѣмъ какого-нибудь кучера, повара, камердинера; нравственный міръ ихъ болѣе и чаще подвергался насилію господакаго самодурства. Помѣщикъ часто отрываетъ парня прямо отъ сохи, даетъ ему въ руки флейту и заставляетъ учиться музыкѣ; непривычные крючковатые пальцы не могутъ конечно скоро овладѣть этой диковинной для него штукой; всѣ мысли его улетаютъ туда, на деревню, къ обычнымъ занятіямъ и обстановкѣ; и вотъ посыпались на недоумѣвающего парня затрещины, зуботычины отъ нѣнца „Егора Мистиславича“, скоро усвоившаго на святой Руси нехитрую систему обученія. Такъ именно рассказываетъ одинъ горемычный музыкантъ, бѣжавшій отъ учебы заморской музыкѣ и воротившійся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ своему господину проситься опять къ сохѣ. Отъ того-же помѣщика (Баженова изъ арзамасскаго уѣзда) въ слѣдующемъ году бѣгутъ трое такихъ музыкантовъ и между ними мальчикъ 13 лѣтъ, тоже отъ побой „за нескорое понятіе“. Мальчика взяли въ одномъ селѣ крестъ-

яне въ подпаски, а двое другихъ первое время жили въ сосѣднемъ лѣсу и драли на продажу лыки.

Описанные раньше случаи и характеръ побѣговъ крѣпостныхъ дворовыхъ слугъ, составляютъ такъ сказать общую типичную ихъ картину. Встрѣчаются, конечно, и исключенія, гдѣ дворовый слуга, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, имѣлъ возможность приноровиться въ бѣгахъ къ новой жизни, пристраиваясь къ работѣ, не требующей ни особеннаго умѣнья, ни выносливости; но уже по своей малочисленности подобные случаи не измѣняютъ общаго характера побѣговъ людей этой категоріи. Дворовые, исполнявшіе какую-нибудь отдѣльную функцію барскаго дома, не сталкивавшіеся съ барининомъ такъ часто, какъ слуги, душевный міръ которыхъ не былъ такъ изуродованъ барскимъ произволомъ и самодурствомъ и воля не атрофирована, — были счастливѣе своихъ собратьевъ въ незаконныхъ попыткахъ найти себѣ „скрытное и безопасное житіе“. Къ числу ихъ можно отнести всякаго рода ремесленниковъ, бывшихъ почти въ каждомъ помѣстьи, какъ-то: сапожниковъ, портныхъ, садовниковъ, кузнецовъ, слесарей, столяровъ и т. д. Будучи болѣе или менѣе знакомы съ жизнью, а, главное, зная ремесло, послѣдніе всегда находили себѣ работу въ бѣгахъ и могли, въ большинствѣ случаевъ, свободно укрыться отъ своихъ господъ, чему мы и приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Одинъ дворовый садовникъ рассказываетъ, что лѣтъ 20 тому назадъ (въ 1796 г.) въ барскомъ саду позябло нѣсколько плодовыхъ деревьевъ и за то, что онъ ихъ не уберегъ, его дважды наказывали палками, да баринъ обѣщалъ еще бить кнутами и онъ ночью бѣжалъ; черезъ нѣкоторое время онъ пришелъ въ воронежскую губернію и тамъ жилъ на разныхъ хуторахъ, промышляя у хохловъ крестьянской работой; изъ воронежской перешелъ въ другую, и такъ въ нѣсколько лѣтъ исколесилъ почти весь югъ, живя то по хуторамъ, то въ рыболовныхъ ватагахъ, то на соляныхъ промыслахъ. Другой, дворовый-же, ремесленникъ царицынскаго помѣщика Бекетова прожилъ въ бѣгахъ съ 1780 г. 17 лѣтъ; работалъ на Дону, у казаковъ

въ Михайловской станицѣ года 4, отъ нихъ ушелъ на казенныя соляныя ломки на озерѣ Малиновскомъ и тамъ работалъ лѣтъ 9, съ этаго озера пробрался за городъ „Опской“ (вѣроятно Псковъ) и жилъ у чухны, промышля болѣе рыболовствомъ, гдѣ, кромѣ его, по его словамъ, было много „таковыхъ же бѣглыхъ“. Тамъ онъ явился въ городническое правленіе, разсчитывая по манифесту на прощеніе и приписку въ городъ въ мѣщане; но его отправили къ прежнему помѣщику.

Приведемъ еще разсказъ бѣглаго двороваго, который въ то-же время весьма типиченъ, по своему содержанію, за немногими исключеніями для большинства крѣпостныхъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

„...Прошлагаго 785 года, въ іюль мѣсяцъ посланъ я былъ отъ господина своего Сущева пензенскаго намѣстничества въ инсарскую округу повѣреннымъ по межевымъ дѣламъ, гдѣ и находился года съ три. По случившейся надобности къ землемѣрамъ поѣхалъ было я на бывшихъ со мною господскихъ лошадяхъ въ городъ Пензу и ѣдучи туда печально обронилъ данныя мнѣ отъ показаннаго моего помѣщика на его земли крѣпости; убоясь за то строгаго наказанія, вознамѣрился сѣзжать и проживать, гдѣ случится, и прибывши туда, присталъ къ господину бригадиру Жандринскому на дворъ, съ коего, когда заснулъ бывший со мною извозчикъ, господина моего крестьянинъ..., то я, взявши себѣ изъ бывшаго у насъ для дороги нѣсколько хлѣба, вышелъ изъ города въ степь и шатаюсь по оней, на разсвѣтѣ увидѣлъ дорогу, на которую вышедши, шелъ до тѣхъ поръ, пока не достало у меня хлѣба, для выпрашиванія коего выходилъ въ неизвѣстныя мнѣ слободы, близь дороги лежащія, и такимъ образомъ черезъ восемь дней добрался до рѣки Медвѣдицы, куда по прибытіи, пришелъ въ слободу Краснояровку и показавшись пензенскаго намѣстничества, мокшанской округы, слободы Стрѣлецкой и что давний мнѣ для пропуску на годъ паспортъ печально потерялъ, просилъ о дачѣ въ томъ свидѣтельства, которое и дано мнѣ съ приложеніемъ громадской печати, за которое заплативши писарю два рубля денегъ, пошелъ изъ той слободы

и шатался до осени по разнымъ неизвѣстнымъ мнѣ хуторамъ, на рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ лежащимъ; по наступленіи жъ оной, пришедши въ станицу Етеревскую, прожилъ въ оной всю зиму, работая у разныхъ людей сапоги; по большей же части прибѣгалъ той станицы къ казакамъ Тютину и Дериглазову. По наступленіи весны перешелъ я въ станицу Скуришенскую и побывши во оной нѣсколько времени, пошелъ внизъ по Дону и зашедши по дорогѣ въ Преображенскій монастырь, пробылъ (тамъ) дни съ три; выпросивши жъ тамъ себѣ хлѣба, пошелъ по хуторамъ и проходя оныя, кормился выпрашиваемымъ хлѣбомъ и пришедъ въ Сиротинскіе, жилъ у полковника Льва Стенановича Созонова два года съ половиною завѣдомо бѣлаго; не хотя жъ болѣе у него жить, пошелъ въ станицу Голубинскую, въ коей побывши мѣсяца съ два казака Марахтана у жены, а какъ ее звать — не упомяну, пошелъ на рѣчку Иловлю, въ слободу господина Перидскаго *), называемую Ольховку и проживалъ въ оной у малороссіянина Михайлы Антонова два года, а изъ оной посланъ съ двумя малороссіянами, а какъ прозываются — не упомяну, къ означенному господину Перидскому для работы, у коего работавъ одну зиму, при наступленіи весны опять возвратился на рѣчку Иловлю, куда по приходѣ жилъ иловлинской станицы у казака Ивана и Саввы Писарева все лѣто; отъ него жъ пошелъ въ станицу Иловлинскую и когда сдѣлался болѣнъ, выпроился у казака Старикова на квартиру, у коего пролежалъ всю зиму въ болѣзни. По наступленіи нынѣшней ревизіи приписался (я) къ сотнику той же станицы Ѳедору Калачеву въ подданіе подъ именемъ малороссіянина, у коего и находился до сего времени. Приѣхавшій же въ Иловлинскую станицу господинъ секундъ-маіоръ Бушъ требовалъ отъ всѣхъ помѣщиковъ приписныхъ къ обревизованію, почему и я съ прочими представленъ былъ къ нему, который спросилъ, какой я человекъ; я, убоясь побоевъ, показался бѣглымъ"... (Дѣло № 2080, 1795 г.).

*) Войсковой атаманъ волжскаго войска.

Безправный крѣпостной дворовый, какъ-бы плохо ему ни жилось, какихъ-бы мученій ни переносилъ онъ, нигдѣ не могъ искать защиты. Только крайне вопіющіе случаи звѣрства вызывали возмездіе, да и то не всегда. Яркимъ примѣромъ этому можетъ служить приведенное въ сочиненіи В. И. Семеваго — „Крестьяне въ царствованіе императрицы Еватерины II“ (стр. 201 и 202)—дѣло о помѣщицѣ Салтыковой, рѣшенное въ 1768 году. Салтыкова была обвинена въ убійствѣ 38 человекъ и оставлена въ подозрѣніи въ убійствѣ 26 лицъ. Усерднымъ поощреніемъ властей и взятками она умѣла добиться того, что дѣло о ней, начинавшееся 21 разъ, каждый разъ оканчивалось безъ всякихъ для нея послѣдствій и только нѣсколькими челобитными, поданными ея дворовыми и крестьянами на имя самой императрицы, дѣло о ней было вновь возбуждено и кончено послѣ шестилѣтней волокиты. Простыя-же побои, не сопровождашіеся „членовредительствомъ“ или смертью, и вовсе не были въ числѣ дѣяній наказуемыхъ и широко практиковались въ барскихъ дворянхъ. Не было тамъ конца всяческой неправдѣ отъ самовластиа и насилія, съ одной стороны, и злобы и хитрости — съ другой. Чувство и сознаніе этой неправды заставляло иногда бѣжать отъ нея и искать не только „скрытнаго житія“, но и душевнаго умиротворенія и „житія по-божески“. Въ одномъ дѣлѣ намъ встрѣтилось очень трогательное письмо двухъ бѣжавшихъ дворовыхъ къ своей госпожѣ, въ которомъ они прощаютъ ей свои обиды и просятъ имъ простить ихъ побѣгъ и говорятъ, что бѣгутъ, желая найти „такое мѣсто, гдѣ-бы можно было принести Господу Богу покаянiе, со усердіемъ и со слезами помолиться Ему, а ежели таковаго мѣста не найдемъ“, пишутъ они, „то будемъ обратно назадъ“, въ чемъ и клянутся ей. Оставили они также письма своимъ женамъ и знакомымъ и тоже въ духѣ покаянiа и смиренiа. Одинъ, впрочемъ, при этомъ не упустилъ случая попенять своей жевѣ за то, что она не извѣстила его, имѣя на то полную возможность, объ одной готовившейся и полученной „встряскѣ“ отъ своей госпожи, „каковаго случаю и теперъ я очень опасуюсь“, добавляетъ онъ.

Къ сожалѣнію, какъ уже мы замѣтили, бѣгле на допросахъ рѣдко пускались въ объясненіе причинъ, заставлявшихъ ихъ бѣжать, говоря только односложныя фразы въ родѣ: „отъ несносныхъ и тяжкихъ побой, отъ мучительства, отъ истязаній“ и т. п.; да едва-ли, впрочемъ, ихъ и разспрашивали, въ чемъ состояли эти мучительства и истязанія; но несомнѣнно, что они были жестоки. Нельзя думать, чтобы человѣкъ, безъ уважительныхъ причинъ, бросалъ домъ, часто жену и дѣтей и мѣнялъ ихъ на бездомное бродяжество, на голодъ, холодъ, всевозможныя лишенія и болѣзни, на жизнь подѣ постояннымъ страхомъ быть пойманнымъ и нещадно битымъ плетью, иногда до 75 ударовъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ этого рода наказаніи, достаточно сказать, что 100 ударовъ плетью были равносильны смертной казни, а палачи, мастера своего дѣла, убивали плетью и меньшимъ количествомъ ударовъ. Боясь быть отданнымъ своему тирану-барину, пойманный бѣглый дворовый часто объявлялъ себя непомнящимъ родства, предпочитая быть нещадно битымъ плетью и отданнымъ въ солдаты или сосланнымъ на поселеніе въ Сибирь. Какъ и по какимъ ничтожнымъ причинамъ подвергали помѣщики своихъ дворовыхъ наказаніямъ, заключаемъ изъ того, что бѣгутъ они изъ боязни наказаній, напримѣръ: за неслѣдланную во-время на окнахъ замаску, за плохо вычищенное платье, за разбитую тарелку, „за непорядочное“ накормленіе лошадей въ дорогѣ и т. д. Находились между помѣщиками и ихъ управляющими и такіе, которые умѣли выводить своихъ крѣпостныхъ изъ терпѣнія и заставляли ихъ бѣжать не истязаніями, а...мѣрами кротости. Вотъ двое дворовыхъ, портной и кучеръ, семеновскаго помѣщика Мусина-Пушкина-Брюса пошли со двора въ первый день Пасхи на свое село къ знакомому и пили тамъ брагу, какъ они говорятъ, или пьянствовали, какъ говоритъ управляющій имѣніемъ Фоминь. „Не терпя въ управляемыхъ мною людяхъ такихъ непорядковъ, послалъ я за ними“, говоритъ онъ, снялъ съ нихъ праздничное платье, одѣлъ въ ветхіе сермяжныя кафтаны, а на ноги велѣлъ надѣть лапти, обрилъ у одного половину головы и въ такомъ

видѣ поставилъ ихъ на позоръ у сельскихъ воротъ, пригрозивъ побить палками и отдать въ рабочій домъ. Ночью они бѣжали въ другую вотчину своего господина, въ сызранскій уѣздъ, откуда ихъ представили въ судъ. Фомицъ, въ отзывѣ своемъ по этому дѣлу, пишетъ, что „хотя-бы все сіе и было справедливо,—не заключаетъ въ себѣ жестокости, ибо все оное чадолубивому помѣщику надъ людьми своими чинить не воспрещается.... а я въ управленіи своемъ стараюсь истреблять наказаніе“. И въ заключеніе жалуется на уѣздный судъ, возбудившій слѣдствіе о наказаніяхъ, каковымъ онъ подвергаетъ своихъ людей, потому что „оное можетъ сдѣлаться между людьми, ввѣренными управленію моему, гласнымъ и снова возбудить въ нихъ волненіе, отъ каковаго въ недавнемъ времени они были усмирены“ (волновались они и не повиновались властямъ, по случаю тяжелыхъ повинностей, наложенныхъ на нихъ со вступленіемъ въ управленіе имѣніемъ этого чадолубиваго управителя). Къ своему объясненію Фомицъ приложилъ копію съ свидѣтельства, даннаго ему Брюсомъ, въ которомъ послѣ длиннаго перечня неоспоримыхъ достоинствъ управителя говорится: „Фомицъ знаніемъ дѣла и распорядительностію довелъ мои помѣстья и крестьянъ до возможной степени благосостоянія; вступивъ въ управленіе имѣніемъ, въ которомъ изъ 1500 человекъ было до 600 раскольниковъ, онъ съ мая по декабрь 1835 года только мѣрами кротости, которыми онъ всегда руководствуется, умѣлъ обратить къ православію до 500 изъ нихъ“.

Положеніе дворовыхъ женщинъ было конечно не лучше положенія мужчинъ. Находясь въ тѣхъ-же условіяхъ жизни, какъ и послѣдніе, онѣ подвергались и тѣмъ-же взысканіямъ и разнымъ жестокостямъ отъ своихъ господъ; за-частую, впрочемъ, имъ приходилось нести гораздо худшую долю, чѣмъ мужской половинѣ двора. Досужій умъ помѣщицъ былъ изобрѣтательнѣе на всякаго рода наказанія, что не разъ уже было замѣчено изслѣдователями помѣщичьяго быта; у помѣщиковъ въ большинствѣ случаевъ жизнь была все-таки содержательнѣе, чѣмъ у ихъ женъ: у нихъ были тѣ или иные общественные интересы,

служба, забота по управленію иждѣніемъ и вообще хозяйство; помѣщица-же была всегда дома и вѣдала только домовое хозяйство; вся жизнь дворовыхъ была на ея глазахъ. самодурству ея не было границъ, и имѣя сѣуженный до минимума кругъ интересовъ, при грубости нравовъ старыхъ временъ, уму ея, мало находившему себѣ пищи въ окружающемъ, естественно было выражаться въ уродливыхъ формахъ, — въ изобрѣтеніи разныхъ утонченныхъ наказаній. А поводовъ къ наказаніямъ было не мало: какиѣ-бы слѣпыѣ повиновеніемъ ни отличался человѣкъ, какъ-бы ни былъ онъ обезличенъ, — проявленіе своей индивидуальности въ немъ могло сказаться каждую минуту, а грубый деспотизмъ и этаго не терпѣлъ, не говоря уже о дѣйствительныхъ порокахъ, развитію которыхъ барская дворня болѣе благоприятствовала, чѣмъ какая-нибудь другая среда въ средѣ крѣпостничества. Развратъ былъ, кажется, самымъ распространеннымъ порокомъ дѣвичьихъ барскихъ домовъ и шелъ туда съ двухъ сторонъ: развращаемая бариномъ, она развращалась и его лакеями. Боясь наказанія и стараясь скрыть свой позоръ, дворовыя дѣвицы прибѣгали иногда къ ужаснымъ средствамъ. Такъ одна пойманная бѣглая дворовая дѣвица на судѣ рассказала, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обольщенная бариномъ, почувствовала себя беременною и желая скрыть начавшую уже обнаруживаться беременность отъ своей госпожи, своими руками выдавила изъ себя плодъ и закопала его гдѣ-то между конюшнями *). Каковъ долженъ быть страхъ, побудившій на такой поступокъ! Явно опозоренныя дѣвицы не оставлялись въ барскомъ домѣ, а или отдавались въ скотницы и вообще назначались къ занятіямъ, считавшимся низкими, или выдаваемы были замужъ за какихъ-нибудь лядящихъ крѣпостныхъ. Не миръ конечно несли съ собою въ семьи эти браки — результатъ барскаго гнѣва — побѣгъ мужа или жены или обоихъ, одного велѣдъ

---

*) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что при общей жестокости тогдашнихъ наказаній, она, по рѣшенію уѣзднаго суда, присуждена была къ 20 ударамъ плети, тогда какъ за одинъ побѣгъ иногда назначалось 20—50 ударовъ.

за другимъ—являлся въ такихъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ. Одна изъ такихъ жертвъ рассказываетъ, что „по несогласному житію съ мужемъ неоднократно бѣгала, въ бѣгахъ чинила непотребство и пьянствовала“; послѣ каждой поимки ее били плетями и водворяли къ мужу; мужъ становился все жесточе, билъ, жорилъ ее голодомъ и она снова отъ него убѣгала, снова ее ловили, и такъ прошла добрая половина ея жизни. У другой бѣжалъ мужъ, она вступала въ связи съ дворовыми, барыня ее жестоко за это била и она также убѣжала; какой-то священникъ взялъ ее въ работницы, но ее выдали суду и возвратили помѣщицѣ. Недожидаясь возмездія за побѣгъ, она убѣжала опять. Жены дворовыхъ нерѣдко отъ жестокости своихъ господъ бросали и мужей, и дѣтей и мыкались по свѣту то въ услуженіи у разныхъ лицъ „изъ одного пропитанія“, то побираясь милостыней. Бѣжавшія изъ дѣвичьихъ отъ тираніи-ли или избѣгая насильной отдачи въ замужество, если и попадались въ руки властямъ, то рѣдко называли своихъ господъ, предпочитая участь непомнящихъ родства—сидѣть всю жизнь въ рабочемъ домѣ.

Судебными процессами о бѣглыхъ иногда выяснялось, что бѣжавшій или бѣжавшая вовсе по праву и не принадлежать помѣщику, а закрѣпощенъ или закрѣпощена незаконно; особенно часто это открывалось относительно женщинъ, мужья которыхъ отдавались въ солдаты, послѣ чего солдатка становилась свободною, а онѣ часто, по прежнему, оставались у помѣщика, считая себя ихъ крѣпостными; и сами помѣщики не обращали вниманія на это право солдатокъ, продолжая держать ихъ въ своихъ имѣніяхъ, наравнѣ съ прочими крѣпостными. Такъ арзамасскій помѣщикъ Полозовъ сдалъ одного изъ женатыхъ своихъ дворовыхъ въ 1808 году въ ратники; семья состояла изъ отца, слѣплого 70-лѣтняго старика и двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ холостой и числился въ бѣгахъ. Въ первое время, когда всѣ ратники находились въ Арзамасѣ, жена жила тамъ съ мужемъ, а потомъ пришла оттуда къ своему дядѣ, крѣпостному крестьянину того-же помѣщика. По приказанію Полозова

отъ дяди ее взяли и привели къ помѣщику, какъ бѣгланку; господинъ заперъ ее на скотномъ дворѣ и заковалъ въ цѣпи, въ которыхъ она и просидѣла трое сутокъ; цѣпи оказались слишкомъ велики для нея и освободясь отъ нихъ, она убѣжала опять къ своему мужу; тотъ досталъ ей отъ своего новаго начальства пропускъ и она пошла съ нимъ въ Нижній за паспортомъ; здѣсь узнала отъ кого-то, что отецъ ея, слѣпой старикъ, „отпущенъ господиномъ своимъ на собственное свое пропитаніе“ *) и собираетъ по окрестнымъ деревнямъ милостыню; она розыскала его и ходила по міру вмѣстѣ съ нимъ. Черезъ годъ или два она узнала, что мужъ ея возвращенъ на родину, послѣ чего возвратилась и она съ отцомъ. Помѣщикъ представилъ ее въ судъ и просилъ наказать за побѣгъ, но судъ отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ за бѣглую ее не призналъ.

Другіе изъ помѣщиковъ, чтобы не лишиться, при сдачѣ въ солдаты женатаго своего крестьянина, за разъ двухъ чело-вѣкъ—мужа и жены, сѣвшили велѣдъ за сдачею мужей въ рекруты женъ ихъ, недавая, такъ сказать, имъ опомниться, выдавать за-мужъ за другихъ своихъ крѣпостныхъ. И солдатки выходили за-мужъ часто, не зная, живы-ли ихъ мужья-солдаты, да и не справлялись объ этомъ, такъ какъ надежды на ихъ возвращеніе было мало, потому что срокъ службы былъ великъ, и правительство указомъ 1812 года разъясняло, что вторые браки солдатокъ, безъ законнаго удостовѣренія о смерти первыхъ мужей, должно считать противозаконными.

III.

Большую долю тяжести помѣщичьей власти несъ на себѣ крѣпостной крестьянинъ, — глава семьи; къ нему непосредственно

---

*) Помѣщики обязывались не допускать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ до нищенства, но обязанность эта ими рѣдко соблюдалась; между тѣмъ, если случайно понадался въ руки властей нищій изъ крѣпостныхъ крестьянъ, то отвѣтственности въ этомъ случаѣ подвергался не помѣщикъ его, а изъ крестьянъ-же выборные вотчинные начальники, которыхъ били плетми, за дозволеніе крестьянину ихъ вотчины ходить по міру.

относились всё требованія помѣщика и онъ отвѣчалъ за исправное ихъ исполненіе. Крѣпостная крестьянка несла, такъ сказать, пассивную долю крѣпостного ярма, и какъ-бы ни была велика эта доля, она была все-же меньше доли мужчины. Побѣгъ отъ помѣщика мужа, отца, брата рѣдко влечетъ за собою побѣгъ женской половины семьи. По большей части мужъ или отецъ бросаетъ свой домъ, свое хозяйство и семью и идетъ искать, гдѣ лучше. Причина побѣговъ въ этихъ случаяхъ всегда одна и та-же, въ какой-бы разнообразной формѣ она ни являлась крѣпостному крестьянину — крѣпостной гнетъ. Другія причины гнали изъ семьи на безпріютную одинокую, полную всевозможныхъ лишеній, скитальческую жизнь крѣпостную крестьянку. Еще ребенкомъ 13—14 лѣтъ ее выдавали за-мужъ, не спрашивая конечно на это ни о ея желаніи, ни о желаніи ея родителей. Браки между крѣпостными заключались только по волѣ помѣщика и только въ видахъ размноженія крѣпостныхъ тяглыхъ душъ; въ этомъ отношеніи человѣка не отличали отъ рабочаго скота; не обращалось вниманія ни на умственные и нравственные особенности бракосочетавшихся, ни даже на физическія ихъ стороны. Нѣкоторые помѣщики даже не знали въ лицо тѣхъ своихъ крѣпостныхъ, которыхъ назначали для брачной жизни, а живя гдѣ-нибудь вдали отъ своихъ помѣстій и ведя списки холостымъ и дѣвицамъ, произвольно назначали изъ нихъ пары для образованія новыхъ семейныхъ единицъ. Даже съ домашними животными въ подобныхъ случаяхъ поступали болѣе осмотрительно. Нерѣдкостью, конечно, между крестьянами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были и умственные и физическіе уроды, и если не удавалось помѣщику, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, сослать такого на поселеніе съ зачетомъ себѣ за рекрута, то его нужно было женить: холостой крестьянинъ былъ для помѣщика убыткомъ. Насильственно созданные даже и не изъ такихъ элементовъ семьи конечно не могли быть прочными и если не разпадались только благодаря власти помѣщика, то несли съ собою разложеніе нравственное, развратъ и ужъ конечно не служили въ созданію въ народѣ понятій о святости семейнаго союза.

Въ чужой семьѣ къ молодой бабѣ сразу предъявляютъ требованіе, какъ къ рядовой работницѣ. Отъ легкаго сравнительно труда въ родной семьѣ, отъ родительской ласки, она попадаетъ въ положеніе не лучшее батрацкаго и часто противъ желанія семьи, въ которую ее отдаютъ. Много, конечно, нужно силъ, чтобы перенести этотъ крутой переломъ, приспособиться къ новой обстановкѣ, къ новымъ людямъ, быть въ повиновеніи и выполнять всѣ требованія каждаго старшаго члена новой семьи, угодить и понравиться всѣмъ имъ; а не оказалось этихъ силъ, — и пошла гулять по спияѣ молодой бабы традиціонная русская плеть, рѣдкая впрочемъ роскошь въ бѣдной крестьянской семьѣ. Кто знакомъ съ деревней и жизнью крестьянъ, тотъ навѣрное не разъ слышалъ и знаетъ, какой безысходной тоской и отчаяніемъ вѣетъ отъ тѣхъ многочисленныхъ народныхъ пѣсень, гдѣ молодуха-баба оплакиваетъ свою волю дѣвичью и свою жизнь, въ семьѣ мужа и до какихъ мельчайшихъ подробностей разработали они горе-горькое своего замужества. Видно, что эти пѣсни не творческая фантазія поэта, а подлинная жизнь, стонъ замученнаго человѣка.

Отъ неудачной семейной жизни, отъ тиранства женщина-ребенокъ бѣжитъ сначала въ родную семью искать въ ней защиты, но тамъ только и могутъ дать ей совѣтъ терпѣть, слушаться мужа, свекра и всѣхъ домочадцевъ. Искать защиты больше негдѣ; остается одинъ крайній исходъ — бѣжать изъ дому, куда глаза глядятъ, и она бѣжитъ. И много этихъ 14—17 лѣтнихъ бѣглянокъ скитается „гдѣ день, гдѣ ночь“ „отъ не согласнаго житія съ мужемъ, отъ изгони, отъ нападенія девера и вестерпимыхъ побой мужа, отъ склоненія свекромъ побоями къ грѣхопаденію“ и т. д., какъ сами бѣглянки выражаются о причинахъ, заставлявшихъ ихъ бѣжать. Положеніе ихъ въ бѣгахъ по истинѣ ужасно и немногосложной, но многозначущей фразой — „гдѣ день, гдѣ ночь“ — исчерпывается все содержаніе ихъ жизни. Рѣдко идутъ онѣ за предѣлы своего уѣзда, очутившись на волѣ, какъ въ темномъ лѣсу; рѣдко приходится найти имъ какую-нибудь постоянную работу, хотя-бы изъ одного хлѣба, большин-

ство живетъ мірскимъ подаяніемъ, если-же и удается нѣкоторымъ пристать къ какой-нибудь крестьянской семьѣ, то навѣрное при условіи каторжнаго труда. Одна бѣглая рассказываетъ, напри- мѣръ, что бѣжавши отъ мужа, крѣпостного крестьянина изъ арзамасскаго уѣзда, когда ей было 16 лѣтъ, долго скиталась по міру и наконецъ поселилась у одного вдоваго крестьянина, который не могъ сыскать себѣ жены, потому что у него было пятеро дѣтей; она прожила у него четыре года вмѣсто жены, исполняла всякую крестьянскую работу и нянчилась съ его дѣтьми; но этотъ крестьянинъ женился наконецъ на какой-то вдовѣ; ему она сдѣлалась болѣе ненужною и снова пошла бродить, пока не была поймана. Но и при такихъ тяжелыхъ усло- віяхъ нечасто могла найти себѣ пріютъ бѣглая крестьянка, осо- бенно въ мѣстахъ, куда часто проникалъ глазъ начальства. Такъ одна молоденькая баба, выданная за-мужъ 14 лѣтъ, проживъ съ мужемъ года два и „не имѣя съ нимъ любви“, бѣжала въ арзамасскую женскую алексѣевскую общину, но тамъ ее не при- няли безъ паспорта и она ушла въ село Выѣздную Слободу, лежащее въ верстѣ отъ города; жила тамъ у разныхъ крестьянъ недѣли по двѣ (дольше держать ее опасались), занимаясь пря- жено льна за одинъ хлѣбъ; но и этотъ источникъ существованія скоро прекратился; сотскіе начинали уже ее гнать изъ села, если она попадалась имъ на глаза и никто ее не сталъ принимать; только одна одинокая старушка дала ей пріютъ, съ тѣмъ, чтобы во время ея отлучекъ изъ дому (она торговала калачами), она присматривала за домомъ и та жила у нее, пропитываясь мірскимъ подаяніемъ, пока не встрѣтилъ ее случайно мужъ. Ста- рушкѣ пришлось жестоко заплатить за гостепримство: „во уваженіе ея шестидесятилѣтней старости только 20 ударами батошья“, какъ сказано въ опредѣленіи суда. Другая въ бѣгахъ работала изъ одного пропитанія у священника, а на лѣтнія работы нанялась къ одному крестьянину, но тотъ отказалъ ей, узнавши, что она бѣглая и не имѣетъ паспорта и она опять воротилась къ священнику; наконецъ, староста, боясь передъ начальствомъ отвѣта за укрывательство бѣглой, прогналъ ее изъ села. Шатаясь по

разнымъ мѣстамъ и перебиваясь по деревнямъ поденной работою, она познакомилась съ какой-то солдаткой, которая за 2 р. достала ей паспортъ и „жить стало съ тѣхъ поръ слободнѣ“, рассказывала послѣ она.

Бѣглыхъ „женокъ“ ловили, наказывали плетью и водворяли къ ихъ мужьямъ. Жизнь съ мужемъ послѣ побѣга рѣдко, конечно, измѣнялась къ лучшему и побѣгъ снова являлся средствомъ избѣжать семейной каторги. Разъ бѣжавшая отъ мужа жена, не задумывалась ужъ надъ побѣгомъ во 2, 3 разъ, если жизнь съ мужемъ ее по-прежнему тяготила. Часто въ дѣлахъ о побѣгахъ „женокъ“ встрѣчаются заявленія мужей объ „утечкѣ“ отъ него жены въ 5-й, 6-й разъ, да и сами бѣглыя при поимкѣ не скрывали своихъ неоднократныхъ побѣговъ отъ мужей и нежеланія жить съ ними, старались затягивать дѣла о нихъ, возводя на себя небывалыя преступленія, чтобы только отдалить отъ себя моментъ водворенія въ постылую семью мужа. Какъ-бы ни тяжела была жизнь въ бѣгахъ, все-же она была для нихъ лучше семьи, гдѣ всякій изъ членовъ ея былъ ей начальникъ, даже смиренный домъ онѣ не мѣняютъ на жизнь въ такой семьѣ. Одна дѣвочка крѣпостная васькаго помѣщика Зубова была выдана за-мужъ 12 лѣтъ, черезъ годъ (1780 г.) отъ мужа сбѣжала, года съ два мыкалась по разнымъ мѣстамъ и наконецъ нанялась въ работницы къ крестьянину. Неизвѣстно сколько времени она прожила у него, только въ одно время, сманивъ съ собою жену своего хозяина, убѣжала и стали онѣ бродяжить вмѣстѣ. Ихъ поймали, но не желая возвратиться къ своимъ мужьямъ, онѣ назвали себя непомнящими родства; за бродяжество ихъ били плетью и навѣчно заключили въ смиренный домъ. Мѣсяца черезъ два старшая изъ нихъ съ двумя другими заключенными женщинами бѣжала; но черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ три были пойманы и сосланы на поселеніе въ Сибирь; послѣ этаго изъ смиренного дома бѣжала и другая, но была скоро взята и при этомъ узнана.

Положеніе болѣе взрослыхъ бѣглыхъ женщинъ представляется уже нѣсколько инымъ. Въ бѣгахъ онѣ не бродятъ безъ

цѣлью изъ мѣстности въ мѣстность, а имѣють въ большинствѣ случаевъ опредѣленное направленіе. Большая часть ихъ бѣжитъ за Волгу. Лѣсная заволжская сторона была привольна для бѣглыхъ и туда шли они не только изъ нижегородской, а и изъ другихъ отдаленныхъ губерній, селились иногда цѣлыми общинами въ землянкахъ или кельяхъ, расположенныхъ не вдалекѣ одна отъ другой, по глухимъ мѣстамъ. Въ семеновскихъ лѣсахъ и далѣе на сѣверо-востокъ, за рѣкой Ветлугой, было нѣсколько старинныхъ богатыхъ старообрядческихъ скитовъ, которые также оказывали покровительство бѣглымъ, давали имъ работу и пріютъ, а мѣстные власти, получавшія отъ скитовъ значительныя подачки, смотрѣли на это сквозь пальцы и даже выдавали такимъ бѣглымъ паспорта, называя въ нихъ бѣглыхъ мѣстными жителями, что открылось въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда предпринята была, по распоряженію губернской администраціи, провѣрка паспортовъ скитницъ, жившихъ въ семеновскихъ скитахъ, между которыми оказалось нѣсколько человекъ бѣглыхъ. Одна дѣвица, на вопросы чиновника *), такъ разсказывала о себѣ: „Зовутъ меня Марьей, а сколько мнѣ лѣтъ и кто у меня родители — не знаю. Съ тѣхъ поръ, какъ стала себя помнить, воспитывалась въ Комаровскомъ скиту, у настоятельницы Манефы, а по смерти ея у матери Александры Кузнецовой; обучалась у ней грамотѣ, а въ 1825 году настоятельница выдала мнѣ годовой паспортъ, взятый изъ семеновскаго уѣзднаго казначейства, подъ именемъ экономическаго вѣдомства медвѣдовской волости Комаровскаго скита дѣвки Татьяны Фроловой и отправила въ Козьмодемьянскъ, для чтанія по усопшимъ у разныхъ людей; жила я тамъ болѣе года, а воротившись узнала, что матушка Александра померла, и сама перешла въ обитель старицы Александры Московкиной“.

Въ средѣ бѣглыхъ женщинъ чаще, чѣмъ между бѣглыми мужчинами, наблюдается стремленіе удалиться отъ людей и мѣр-

---

*) Чиновникъ этотъ былъ П. И. Мельниковъ (Дѣло № 798, 1848 года).

ской суеты; послѣдніе если и уходятъ въ лѣса, то чаще по религіознымъ побужденіямъ. Одинъ, напримѣръ, говоритъ о себѣ, что бѣжалъ „отъ помѣщика Толстова, изъ с. Воскресенскаго васильскаго уѣзда (въ 1774 г.) съ женой, оставя дома дѣтей, по причинѣ расколу и пришелъ въ лѣса варнавинскаго округа, на р. Усту (притокъ Ветлуги), жилъ въ лѣсу въ кельѣ пять лѣтъ и вышелъ оттуда, услыхавъ о манифестѣ, съ намѣреніемъ приписаться къ крестьянамъ экономическаго вѣдомства“. Другой крѣпостной, 38 лѣтъ, бѣжалъ отъ помѣщика и отъ своей семьи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ пошехонскіе лѣса, сдѣлалъ тамъ себѣ хижину и жилъ въ молитвѣ и трудахъ, пока начальство не стало выгонять людей изъ лѣсовъ. Онъ, между прочимъ, рассказываетъ, что „находя исповѣдываемую вѣру неправильною, крестился въ рѣкѣ самъ и назвалъ себя Борисомъ. Одинъ 80-лѣтній старикъ, поповецъ, пойманный въ семеновскихъ-же лѣсахъ въ 1844 году, говорилъ, что убѣжалъ отъ помѣщика своего, изъ московской губерніи еще будучи мальчикомъ, вмѣстѣ съ отцемъ; поселились они на островахъ Каспійскаго моря, около г. Гурьева, вмѣстѣ съ какими-то старцами, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ переехали на материкъ, опасаясь розысковъ начальства. Въ послѣдствіе онъ пришелъ въ семеновскіе скиты, а потомъ поселился одинъ въ лѣсу. Женщины бѣгутъ въ лѣса отъ семейной тираніи и неурядицы. Лѣсная глушь привлекала ихъ къ себѣ тихою спокойною жизнію. Многія проводили тамъ всю свою жизнь. Народъ всегда сочувственно относился къ этимъ пустыножителямъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. Само начальство неособенно усердно преслѣдовало тамъ ихъ, особенно до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, насколько можно судить изъ разсказовъ объ этомъ самихъ бѣглыхъ. Одна женщина, крѣпостная нерехотскаго помѣщика Куцена уже старушка, такъ разсказывала о своей жизни: „сначала скиталась я по разнымъ губерніямъ и подъ конецъ пришла въ лѣсъ, за Волгу, около Нижняго, и поселилась тамъ въ кельѣ у другой бѣглой изъ костромскаго уѣзда. Мы прожили съ ней около 30 лѣтъ. Рядомъ съ нашей кельей были и другія кельи и зем-

лянки, въ которыхъ тоже жили люди": Эта лѣсная колонія не была, впрочемъ, совершенно замкнута и вела сношенія съ окружающимъ ее міромъ и даже корреспонденцію съ отдаленными мѣстами; письма къ нимъ присылались сначала черезъ нижегородскаго купца Смирнова, отъ него передавались крестьянамъ ближней деревни Кобылина, а ими передавались уже по назначенію. „Когда семеновскій уѣздный судъ“, рассказывала бѣглая, „началъ по лѣсамъ всѣ землянки уничтожать, то онасясь, чтобы меня не поймали, назадъ тому другой годъ (1833) изъ лѣсу ушла“. Другая, старуха-же, воротилась къ своему помѣщику Бахметеву добровольно и на судѣ показала, что жила въ бѣгахъ вмѣстѣ съ другими женщинами въ брянскихъ лѣсахъ болѣе 20 лѣтъ и воротилась, когда ихъ осталось только двѣ; другія померли.

Бѣглымъ крестьянкамъ извѣстны были также и пути, которыми бѣжали отъ помѣщиковъ ихъ мужья; какъ и послѣдніе, они проникали и довольно часто, особенно до 2-й четверти нынѣшняго столѣтія, въ такіе общеизвѣстные притоны бѣглыхъ, какъ Уральскъ, Астрахань и вообще губерніи низовьевъ Волги. По сравнительной малонаселенности ихъ тамъ жилось свободнѣе. Немало проживало бѣглыхъ крестьянокъ и по городамъ у чиновниковъ, духовенства и военныхъ, по дешевизнѣ охотно принимавшихъ ихъ въ прислугу; но не только люди средней зажиточности, а и высшія административныя лица провинціи не брезгали пользоваться дешевымъ трудомъ бѣглыхъ. Такъ въ Астрахани у генераль-маіора Попова были изъ бѣглыхъ организованы рыболовныя ватаги на Каспійскомъ морѣ. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ, будучи взятъ въ 1815 году, по смерти генерала, что онъ явился къ нему и просилъ взять его въ казаки, а генераль, вмѣсто того, взялъ его въ свою дворню и вмѣстѣ съ другими посылалъ на рыбныя ловли. Одинъ кавказскій губернаторъ Скаржинскій, въ концѣ прошлаго столѣтія ловилъ бѣглыхъ въ томъ краѣ и населялъ ими свои помѣстья; между тѣмъ эти бѣглецы правительствомъ были оставлены на мѣстахъ ихъ жительствъ свободными, а помѣщикамъ, отъ кото-

рыхъ они бѣжали, ихъ зачли за рекрутъ. По доносу одного изъ помѣщиковъ объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ сенату, но Скаржинскій не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Да и рѣдко кто изъ привилегированныхъ „пристанодержателей“ подвергался отвѣтственности за это дѣяніе, хотя правительствомъ назначались съ нихъ большіе штрафы въ пользу тѣхъ изъ помѣщиковъ, кому принадлежали укрывавшіеся у первыхъ бѣглецы крестьяне. Намъ встрѣчалось весьма много дѣлъ о побѣгахъ крѣпостныхъ, изъ которыхъ положительно открывалось, что бѣглый жилъ у какого-нибудь помѣщика или чиновника и ни одного случая, гдѣ-бы помѣщикъ бѣжавшаго крестьянина возбуждалъ искъ противъ того, кто пользовался трудомъ его крѣпостного. Происходило-ли это изъ боязни неизбежной разорительной и многолѣтней волокиты, сопровождавшей всякаго рода дѣла по до-реформеннымъ судебнымъ учреждениямъ или по другимъ какимъ причинамъ— неизвѣстно, вѣроятно-же по первой причинѣ. Одинъ тамбовскій помѣщикъ, на примѣръ, въ теченіе десяти лѣтъ не могъ взять бѣжавшую отъ него крестьянку изъ нижегородскаго помѣстья другого помѣщика, у котораго та проживала, хотя за все это время онъ непрестанно осаждалъ уѣздный судъ массою прошеній „поступить по законамъ“. При такомъ порядкѣ судопроизводства для взысканія убытковъ съ пристанодержателя бѣглаго потребовалось-бы конечно вдвое больше времени; потому-то вѣроятно потерпѣвшіе и не пускались въ такія „предпріятія“ безъ увѣренности при томъ-же въ счастливомъ ихъ окончаніи для себя.

Такъ какъ жены крѣпостныхъ бѣжали и искали воли не отъ помѣщиковъ, а отъ своихъ мужей и „богоданныхъ“ семей, то онѣ и неособенно протестовали противъ новаго закрѣпощенія, если по обстоятельствамъ приходилось имъ сталкиваться въ бѣгахъ съ этимъ состояніемъ и не разъ бывали случаи, что они выходили за-мужъ по свободному влеченію за крѣпостныхъ другихъ помѣщиковъ, а послѣдніе противъ такого приращенія своихъ крѣпостныхъ не отклонялись. Въ 1778 году изъ вотчины Измайлова, васьильскаго уѣзда, бѣжала отъ мужа жена 20 лѣтъ.

Она пришла въ Чебоксары и жила тамъ въ нянькахъ у воеводскаго товарища Овцына года полтора; уйдя отъ него, вышла за-мужъ въ томъ-же городѣ за крѣпостного крестьянина цивильскаго уѣзда, вотчины генерала Козлицева, назвавшись ему вдовою пономаря, который „въ бывшее возмущеніе былъ истребленъ“. Съ этимъ мужемъ прожила она три съ половиною года и родила дѣтей. Соскучившись по своимъ родственникамъ, она побѣжала къ сестрѣ въ какой-то праздникъ, а тамъ встрѣтила мужа, который и взялъ ее къ себѣ съ бывшею при ней дочерью; но прожила она у него только недѣли три и „не хотя по несогласію съ мужемъ своимъ жить, а болѣе отъ изгони“ бѣжала отъ него назадъ къ другому, ее поймали, наказали за побѣгъ, а за выходъ за-мужъ отъ живого мужа, вмѣстѣ съ дочерью, представили духовному суду, который наложилъ на нее эпитимію. Церковнымъ бракамъ кажется и непридавали тогда значенія таинства, а смотрѣли на бракъ, какъ на одинъ формальный обрядъ и случаи выхода за-мужъ при живомъ мужѣ или женитьбы при живой женѣ были явленіемъ настолько обычнымъ, что даже и не преслѣдовались, какъ преступленіе противъ религіи и виновные въ этомъ подвергались только церковному покаянію, да и то не всегда. Нижегородскій помѣщикъ Толстой сманилъ отъ одного крестьянина воронежской губерніи его жену (дѣло происходило въ 1751 году) и увезъ ее въ свое помѣстье. Въ домѣ его она прожила съ годъ. Избѣгая ссоръ съ своей женой, Толстой приказалъ своему старостѣ выдать крестьянку за-мужъ за своего крѣпостного. Въ новомъ замужествѣ она родила одного сына и двухъ дочерей. Мужъ померъ и она прожила лѣтъ 10 вдовой; во вдовствѣ родила еще сына и наконецъ была продана Толстымъ сосѣднему помѣщику за 11 рублей и четверть пшеницы, а дѣтей ея онъ оставилъ у себя. Новый ея господинъ выдалъ ее за-мужъ за своего крестьянина. Толстой продалъ и всѣхъ дѣтей крестьянки. Жизнь ихъ была, повидимому, очень тяжела, такъ что одну изъ дочерей она сама выкупила за 20 рублей и наконецъ рѣшилась подать челобитье въ судъ объ освобожденіи изъ рабства и остальныхъ, да и себя.

И ее дѣйствительно освободили, какъ незаконнозакрѣпощенную, отославъ въ воронежское намѣстничество „къ бытію въ замужествѣ“ за первымъ мужемъ, который еще былъ живъ, а дѣтей, какъ незаконнорожденныхъ, оставили у помѣщика. Толстой за свое преступленіе даже и не привлекался къ отвѣтственности; не привлекались и церковнослужители, совершавшіе незаконные браки; да и вообще при совершеніи ихъ священники не требовали отъ брачущихся никакихъ документовъ, вѣря имъ на слово или руководствуясь, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ, приказаніемъ помѣщика. Браки заключались тогда безпрепятственно и между бѣглецами. Такъ одна крѣпостная васьилскаго помѣщика Сущева, овдовѣвъ на 33 году своей жизни, не захотѣла жить у него и бѣжала. Въ казанскомъ уѣздѣ, на дорогѣ, сошлась она съ бѣглецомъ-же крестьяниномъ. Поживъ нѣкоторое время вмѣстѣ, вздумали они обвѣнчаться и обратились къ одному сельскому священнику; тотъ обвѣнчалъ ихъ. Женѣ наскучило скоро бродяжничать и она уговорила своего мужа идти къ ея помѣщику и они явились. Мужа своей крѣпостной помѣщикъ, впрочемъ, не взялъ и представилъ его въ судъ, гдѣ онъ назвался бродягой, непомнящимъ родства и былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь.

Попадая въ бѣгахъ въ среду людей безвѣстныхъ, воровъ и мошенниковъ, женщина, подъ ихъ вліяніемъ, падала нравственно и сама. Одну бѣглую крестьянку встрѣтили разъ въ лѣсу близъ села Кочунова, сергачскаго уѣзда, какъ она рассказываетъ, бѣглецы и привели въ свой станъ, расположенный въ оврагѣ, въ заросляхъ; тамъ жила ихъ большая ватага; работой они никакой не занимались, часто куда-то уходили и къ нимъ приходили разные неизвѣстные люди; былъ между ними одинъ грамотный и все писалъ какія-то бумаги. Она была у нихъ стряпкой, а когда не было провизіи, то ходила по деревнямъ за сборомъ для нихъ милостыни. Съ ними она пріучилась пьянствовать, а подъ конецъ и совѣмъ спилась и пропивала часто собранный по деревнямъ хлѣбъ; наконецъ ушла отъ нихъ.

Публичныя наказанія женщинъ кнутомъ за побѣги приносили такіе-же плоды, и во всякомъ случаѣ ими достигались результаты совсѣмъ противоположныя тѣмъ, какихъ отъ этихъ наказаній ожидали: опозоренная всенародно женщина заливала свой стыдъ виномъ, пускалась въ воровство, развратъ, убѣгала снова и уже окончательно падала въ бѣгахъ; никакія преграды и наказанія не удерживали ее въ домѣ мужа и пойманная она вновь бѣжитъ. Одна, напримѣръ, говоритъ на судѣ: „чинила я отъ мужа своего неоднократные побѣги, а сколько оныхъ учинила, того по множеству доподлинно сказать не могу“ (Дѣло № 519, 1781 года).

Однимъ изъ средствъ удержать неисправимую бѣглянку дома были цѣпи, и они считались принадлежностью едва-ли не каждаго крестьянскаго дома, потому что всякаго рода колодники почти непрерывно пересылались по всѣмъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ, а повинность эта лежала на крестьянахъ-же и отправлялась ими по-очередно, натурою; но и цѣпи часто оказывались средствомъ недѣйствительнымъ: однѣ отъ нихъ освобождаются и бѣгутъ, а другія находятъ возможнымъ бѣгать скованными, не обращая на свои кандалы никакого вниманія. Вотъ какъ, напримѣръ, повѣствуетъ о себѣ одна изъ этихъ, по необходимости, подвижницъ, крѣпостная князя Д. В. Голицына: „Находилась я, по приказанію господина своего, скованною въ кандалахъ, за производимые мною изъ дома мужа неоднократные побѣги, и проживала съ того времени въ домѣ своего мужа, вмѣстѣ съ свекровью, не бывъ никогда выпускаема изъ кандаловъ, почему и вознамѣрилась отъ таковаго мною чувствуемаго истязанія и отъ дѣлаемыхъ мнѣ тою свекровью нападокъ и неправильныхъ по дому ихъ взысканіевъ куда-либо бѣжать и бѣжала, не снимая съ себя тѣхъ кандаловъ“. Въ селѣ Собакинѣ ее увидѣлъ сотскій „и по сумнительству имѣемыхъ на оной кандаловъ“ взялъ и представилъ ее въ судъ.

Вступая въ категорію бѣглыхъ, женщина должна была подавить въ себѣ естественныя желанія привязанности и любви: жизнь въ бѣгахъ въ постоянномъ страхѣ быть пойманною, не-

обходимость прятаться часто от людей исключали возможность естественнаго проявленія въ ней этихъ чувствъ; если-же, не смотря на эти условія жизни, нѣкоторыя изъ бѣглыхъ женщинъ, на бѣду себѣ, и привязывались къ людямъ съ легальнымъ положеніемъ, что и случалось нерѣдко, то эти привязанности, въ силу одной только разницы въ ихъ положеніи, всегда оканчивались печально для бѣглой и часто губили ее.

IV.

По своей многочисленности и вѣковому постоянству побѣги крѣпостныхъ не могли остаться безъ вліянія на народную жизнь и мы попытаемся уяснить, въ чемъ именно и на какихъ сторонахъ народной жизни отразилось это вліяніе.

Образованный человѣкъ въ привилегированномъ сословіи, дворянствѣ, былъ явленіемъ весьма нечастымъ даже и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, не говоря уже о концѣ прошлаго, когда даже грамотныхъ дворянъ было весьма немного, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующей таблички о числѣ грамотныхъ и неграмотныхъ дворянъ, подписавшихъ указы депутатамъ въ комиссію уложенія при Екатеринѣ II *).

	Грамот- ныхъ.	Безграмот- ныхъ.
Боровское дворянство	22	5.
Михайловскаго уѣзда	49	81.
Судиславское дворянство	49	13.
Калужскаго и медынскаго	17	10.
Зарайское дворянство	41	7.
Рязанское	88	42.
Ростовское	55	13.
Алексинское	56	7.
Вѣлозерское	51	8.
Устюжское	28	10.

*) Табличку эту мы заимствуемъ изъ ст. Шашкова, помѣщенной въ «Дѣлѣ» за 1880 г., кн. 1—4: «Комиссія уложенія и крестьянское дѣло при Екатеринѣ II».

	Грамот- ныхъ.	Неграмот- ныхъ.
Въжецкое	150	29.
Вологодское	74	33.
Чухломское	51	22.
Бологривское	4	6 и т. д.

Нечего конечно уже говорить о народномъ образованіи въ тотъ періодъ, и дѣйствительно, народной школы до начала земскихъ учрежденій у насъ почти не было. Нѣкоторыми помѣщиками она признавалась не только бесполезною, но часто вредною, даже въ узко-практическомъ смыслѣ; припомнимъ приведенный раньше случай, когда помѣщица всячески старалась устранить возможность научиться грамотѣ своимъ крѣпостнымъ, боясь чтобы они не стали писать себѣ фальшивые паспорта и убѣгать отъ нея. Встрѣчались конечно, да и нерѣдко, помѣщики, которые не жалѣли большихъ денегъ для обученія своихъ крѣпостныхъ искусствамъ и наукамъ, но это дѣлалось не для пользы крѣпостныхъ, а для барской прихоти, и намъ приходится только пожалѣть объ этихъ несчастныхъ, получавшихъ образованіе лишь для того, чтобы глубже сознать и сильнѣе чувствовать свое злосчастное положеніе. Вообще же народъ коснѣлъ въ глубокомъ невѣжествѣ, и если проникали къ нему какія знанія, то только путемъ практическимъ, но и этому весьма часто стояло препятствіемъ нежеланіе помѣщиковъ отпускать отъ себя крѣпостныхъ на посторонніе заработки, изъ боязни побѣговъ. Въ этомъ именно смыслѣ, т. е. въ распространеніи практическихъ знаній въ народѣ бѣглый крѣпостной и послужилъ нѣкоторымъ образомъ проводникомъ. Неговоря уже о самой Россіи, въ которой не было угла, куда-бы ни заходилъ бѣглый, онъ былъ и на дальнемъ востокѣ, въ Сибири, Персіи, бродилъ въ Турціи, Австріи, Польшѣ и т. д., сталкивался со всевозможными положеніями, наблюдалъ разнообразнѣйшія условія народной жизни; тоже разнообразіе, смотря по условіямъ жизни, было и въ его случайныхъ занятіяхъ, за которыя онъ брался, чтобы заработать свой хлѣбъ. Естественно, что, переходя изъ мѣста въ мѣсто,

отъ однихъ людей къ другимъ, бѣглый дѣлился богатымъ запасомъ своихъ наблюдений, а иногда былъ и основателемъ какого-нибудь промысла въ мѣстностяхъ, благопріятныхъ для его развитія; бѣгле-же бывали иногда въ роли странствующихъ учителей, обучая по деревнямъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, какъ это видно, напримѣръ, изъ одного случая, который былъ приведенъ раньше; отъ нихъ-же крестьяне узнавали о привольныхъ безопасныхъ мѣстахъ, куда можно было бѣжать въ случаѣ крайности. Многие изъ бѣглыхъ не прерывали сношеній съ родиной и вели съ своими родственниками переписку даже изъ-за границы, какъ, напримѣръ, крестьяне Салтыкова, описывавшіе свое житье и тамошніе порядки. Наконецъ бѣгле крестьяне, заселяя юго-восточныя окраины государства, служили имъ щитомъ отъ постоянныхъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ; они-же, главнымъ образомъ, были первыми пионерами Сибири и мирными завоевателями этого разноплеменнаго края, основывая тамъ прочныя поселенія и внося туда свою культуру.

Но едва-ли эта благопріятная сторона побѣговъ искупала все то зло, какое несли они въ народную жизнь. Изъ массы просмотрѣнныхъ нами дѣлъ о побѣгахъ крѣпостныхъ крестьянъ побѣги холостыхъ встрѣчались только въ видѣ исключенія, въ весьма маломъ количествѣ; большинство убѣжавшихъ люди женатые, имѣвшіе семьи; самый значительный процентъ бѣжавшихъ падаетъ на крестьянъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ. Явленіе это сдѣлается понятнымъ, если принять во вниманіе, что помѣщичій гнетъ ложился преимущественно на хозяина семьи; холостой, какъ неимѣвшій въ хозяйствѣ самостоятельнаго значенія, въ рѣдкихъ только случаяхъ могъ сталкиваться съ властью помѣщика, а потому и рѣдки были причины, заставлявшія его бросать семью и мыкаться по бѣлу свѣту. Побѣгъ домохозяина неизбежно влекъ за собою разстройство хозяйственной единицы, а иногда и совершенное разореніе ея; неблагоприятно отзывался онъ и на бюджетъ всего крестьянскаго общества, на обязанности котораго оставалась уплата всѣхъ государственныхъ платежей за своего бѣжавшаго члена. Но всего больше терпѣла и разстраи-

балась отъ побѣговъ крестьянская семья. Въ помѣщичьей вотчинѣ она создавалась не свободнымъ союзомъ, а насильственнымъ соединеніемъ, которое обуславливалось только хозяйственнымъ расчетомъ и властью помѣщика и которому до своихъ крѣпостныхъ работниковъ, какъ до людей думающихъ и чувствующихихъ, не было никакого дѣла, и неудивительно, что созданная на такихъ началахъ семья шла врознь, раздиралась по всемъ швамъ, какъ сшитое гнилыми нитками платье; мужъ бѣжить, не задумываясь о судьбѣ оставленныхъ имъ жены и дѣтей, также легко бросаетъ и жена своего мужа и своихъ дѣтей; никакой внутренней духовной связи между ними не было или она была настолько слаба, что не могла удерживать ихъ. Послѣ побѣга мужа или жены съ обѣихъ сторонъ возникали незаконныя связи, а иногда даже и „законные браки“, не оставшіеся конечно, безъ вреднаго вліянія на нравственность народа и на понятія его о святости семейныхъ узъ. Но этимъ еще не исчерпывается все зло, какое вносили въ жизнь народа побѣги; дурное вліяніе ихъ отразилось гораздо глубже на народной жизни съ другой стороны. Черезъ побѣги общество лишалось наиболѣе сильныхъ энергичныхъ своихъ членовъ, не хотѣвшихъ мириться съ неблагоприятными условіями жизни, давая этимъ условіямъ безъ борьбы укорениться въ своей средѣ. Выдѣляя изъ себя элементы силы, борьбы, народъ только приспособлялся ко всякимъ невздамъ, безъ протеста вынося на своихъ плечахъ все тяготы, какія елало на него въ своемъ историческомъ развитіи государство; онъ выработалъ идеаль безпредѣльнаго терпѣнія, создалъ безконечную пѣсню о горѣ-злосчастьѣ и надолго задремалъ подъ ея унылыя звуки, по временамъ прислушиваясь къ другимъ вольнымъ пѣснямъ, которыя распѣвала тамъ, далѣе къ востоку, ушедшая отъ него вольница; отголоски этихъ вольныхъ звуковъ то замирали, то вновь доносились: вольница разсыпалась по безконечнымъ пустынямъ Сибири, расплывалась въ ея безпредѣльномъ просторѣ,—пока лѣтъ черезъ сто широкія волны ея вновь не залили нижняго Поволжья. Забушевали дикія стихійныя силы, изъ нестройнаго

гула пронесся голосъ, обѣщавшій вольность, — и народъ снова приподнялъ голову. Но вольница разбѣяна и опять все затихло; народъ снова замеръ въ томительномъ ожиданіи, пока не пришелъ, наконецъ сказочный царевичъ и не разбудилъ его отъ вѣкового сна.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками точныхъ данныхъ о количествѣ побѣговъ крѣпостныхъ крестьянъ и объ отношеніи числа бѣжавшихъ къ общему числу крѣпостныхъ въ болѣе или менѣе обширномъ районѣ; намъ удалось только собрать нѣкоторыя данныя, относительно побѣговъ крѣпостныхъ, изъ явочныхъ челобитныхъ, какія подавались въ уѣздные суды вотчинными начальниками о бѣжавшихъ, и то только по одному арзамасскому уѣзду, за двадцатипятилѣтіе 1787 — 1811 гг. Хотя приводимыя ниже цифры и не могутъ дать отвѣта на интересующій насъ вопросъ, въ виду незначительности мѣстности и времени, которыя они обнимаютъ собою, но они все-таки не лишены интереса.

Въсѣло крѣпост- ныхъ.	1787 1788 1789 1790 1791 1792 1793 1794 1795 1796 1797 1798 1799 1800 1801 1802 1803 1804 1805 1806 1807 1808 1809 1810 1811																			Въ % отнош.	Средняя чис- ленность въ годъ.	Всего.			
	20	16	16	11	16	16	25	26	26	21	28	25	34	35	29	25	19	19	30				10	23	23
Крестьянъ женщинъ	20	16	16	11	16	25	26	26	21	28	25	34	35	29	25	19	19	30	10	23	23	48	22	552	
Холостныхъ	2	—	—	1	1	3	1	1	—	2	1	—	—	1	—	1	1	3	—	1	1	3	1	30	
Замужнихъ женщинъ	5	3	5	7	5	2	9	13	6	8	11	13	14	11	11	12	12	9	9	13	9	21	10	237	
Дѣвицъ	2	—	—	2	2	—	—	2	2	1	—	—	—	—	1	—	1	2	2	—	—	2	1	28	
Дворянскихъ мужчинъ	15	9	7	5	12	9	14	8	2	15	19	8	6	7	6	12	—	13	13	6	11	20	9	231	
Дворянскихъ женщинъ	7	3	3	—	3	—	6	4	3	3	2	2	2	2	3	1	3	3	3	3	—	6	3	65	
Семьями	1	—	—	1	—	—	4	4	—	4	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	
Всего въ годъ	51	31	31	26	39	23	67	55	27	63	52	41	44	57	58	57	50	46	45	86	60	46	44	100	461143

Прежде всего изъ этой таблицы мы видимъ, что побѣги женатыхъ крѣпостныхъ повторялись, за это время, изъ года въ годъ, болѣе или менѣе правильно, значительно усиливаясь лишь въ 1793, 1802, 1803 и 1808 годахъ и уменьшаясь въ 1790, 1792 и 1809 годахъ, и что они составляли почти половину всего числа бѣжавшихъ; можно поэтому съ увѣренностью заключить, что и причины, заставлявшія крестьянъ бѣжать отъ помѣщиковъ, были всегда одни и тѣ-же и обладали тѣми-же свойствами постоянства. Слѣдующее мѣсто, по числу бѣжавшихъ, занимаютъ замуженія крѣпостныя женщины, и хотя число ихъ, за первую половину двадцатипятилѣтія, сильно колеблется, но за то обнаруживаетъ стремленіе къ правильности за послѣднюю его половину; за ними далѣе слѣдуютъ дворовые мужчины, составляя 20⁰/о всего числа бѣжавшихъ; но если принять во вниманіе, что дворовые едва-ли составляли двадцатую часть всего числа крѣпостныхъ, то, чтобы получить болѣе точное понятіе о количествѣ ихъ побѣговъ, сравнительно съ крестьянами, мы должны будемъ увеличить число побѣговъ дворовыхъ людей по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ и признать, что они несравненно чаще бѣжали отъ помѣщиковъ, чѣмъ крѣпостные прочихъ категорій. Что касается холостыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, то они обнаруживаютъ весьма слабое стремленіе къ побѣгамъ *), о чемъ мы уже ранѣе имѣли случай замѣтить. Побѣги крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми семьями въ нынѣшнемъ столѣтіи бывали рѣдко, но прежде повторялись весьма часто, что и понятно, такъ какъ крестьяне, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ, могли тогда почти свободно селиться по юго-восточнымъ окраинамъ государства. На-оборотъ, побѣги цѣлыми партіями были сравнительно чаще къ концу крѣпостного права и вызывались, или какими-нибудь экстра-ординарными случаями, какъ напримѣръ, жестокостью и систематическимъ разореніемъ своихъ крестьянъ большими поборами нижегородскимъ помѣщикомъ Купелевымъ, отъ котораго въ

---

*) Изъ числа бѣглыхъ холостыхъ крестьянъ и дѣвицъ нужно еще исключить тѣхъ, которые бѣжали не самостоятельно, а съ семьями.

1839 году бѣжали одна за другою двѣ партіи крестьянъ въ 9 и 15 человѣкъ, не считая ихъ женъ и дѣтей, — или вообще слишкомъ обострившимися отношеніями между помѣщикомъ и его крестьянами; такъ въ 1850 г. былъ случай побѣга всѣхъ крестьянъ изъ имѣнія помѣщицы Поливановой, владимірской губерніи, въ то время, когда туда явился командированный губернаторомъ чиновникъ особыхъ порученій для возстановленія порядка между неповиновавшимися помѣщицѣ крестьянами.

Неизвѣстно, какъ повторялись побѣги крестьянъ по отдѣльнымъ имѣніямъ и только въ одномъ дѣлѣ намъ попался реестръ бѣглымъ крѣпостнымъ помѣщика Салтыкова изъ села Выѣздной Слободы, близъ Арзамаса; изъ этого реестра также видно, за небольшими исключеніями, нѣкоторое постоянство въ числѣ бѣжавшихъ въ теченіе семи лѣтъ. Вотъ этотъ реестръ.

Бѣжало: въ 1829 году	1	крестьянинъ.
— 1830 —	2	крестьянина.
— 1831 —	3	—
— 1832 —	3	—
— 1833 —	3	—
— 1834 —	2	—
— 1837 —	3	—

Правительство конечно не могло не обратить вниманія на побѣги и цѣлымъ рядомъ манифестовъ приглашало бѣглецовъ возвратиться то на прежнія мѣста, то на свободныя земли или приписаться по городамъ въ мѣщане и по деревнямъ въ крестьяне удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ. Не у многихъ, конечно, являлась охота возвращаться къ своимъ помѣщикамъ, вставать въ прежнюю зависимость отъ нихъ и въ прежнія условія жизни, отъ которыхъ они и бѣжали, — но случаи приписки по манифестамъ въ мѣщанство и въ свободныя крестьянскія общества бывали нерѣдки. Этими манифестами иногда и злоупотребляли помѣщичьи крестьяне, убѣгая отъ помѣщиковъ для того только, чтобы приписаться въ мѣщане; такъ, напримѣръ, помѣщикъ Короваевъ отправилъ своего крестьянина изъ владимірской въ

нижегородскую вотчину (1783 г.). Приѣхавъ въ Нижній, крѣпостной услыхалъ о манифестѣ 1782 года и, назвавшись бѣглымъ, просилъ приписать себя къ нижегородскому мѣщанскому обществу. Его приписали. Злоупотребляли манифестами часто и чиновники, приписывая, за взятку, по городамъ въ мѣщане такихъ бѣглыхъ, которые не имѣли права пользоваться милостями манифестовъ. Но незавидна была участь этихъ бѣдняковъ, новыхъ безхозяйственныхъ мѣщанъ: они или закабалились къ зажиточнымъ членамъ своего общества, или снова пускались въ бѣга, а иногда даже возвращались къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ, какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, и приписавшійся къ нижегородскому мѣщанству бѣглый, о которомъ мы только-что говорили; промаявшись года полтора въ батракахъ, онъ воротился къ помѣщику. Да и коренные мѣщане смотрѣли не дружелюбно на этихъ новыхъ пришельцевъ, неисправныхъ плательщиковъ, которымъ за-частую и не было другого исхода, какъ только снова бѣжать. Большая часть ихъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, должна была искать заработка на сторонѣ; между тѣмъ выдача паспортовъ приписавшимся въ мѣщанство изъ бѣглыхъ была обставлена большими затрудненіями: въ этихъ случаяхъ отъ получившаго паспортъ требовали уплаты подушныхъ за годъ вперед и кромѣ того поручительства кого-нибудь изъ мѣщанъ въ томъ, что уходящій по паспорту въ срокъ явится; безъ соблюденія-же этихъ условій магистраты выдавать имъ паспорта „смѣлости не имѣли“, какъ отвѣчала балахонскій магистратъ губернатору на жалобу нѣкоторыхъ мѣщанъ изъ бѣглыхъ. Понятно, что удовлетворить этимъ требованіямъ могла только самая ничтожная часть вновь приписавшихся въ мѣщанство, остальные-же, какъ уже было замѣчено, принуждены были снова бѣжать, что и было на самомъ дѣлѣ. Прекраснымъ подтвержденіемъ этому могутъ служить имѣющіеся у насъ два реестра бѣглымъ, одинъ—приписавшимся въ балахонское мѣщанство въ 1780—1783 годахъ, на основаніи манифестовъ 1779, 1780 и 1782 годовъ и другой—приписавшимся въ то-же мѣщанство въ августѣ 1787 года, которые мы и приводимъ.

„Явилось изъ бѣговъ и приписалось въ балахонское мѣщанство въ 1780 году:

Въ апрѣлѣ 3 семьи и 5 человѣкъ, всего . . .	14	человѣкъ
— маѣ	1	—
— июнѣ	1	—
— августѣ	6	—
— ноябрѣ	1	—
Въ 1781 году, въ февралѣ	4	—
— мартѣ	3	—
— 1782 году, въ октябрѣ	8	—
— ноябрѣ	4	—
— декабрѣ	1	—
— 1783 году, въ январѣ	1	—
— февралѣ	2	—
— мартѣ	2	—
— июль одна семья въ 3 ч., и 4 ч. всего	7	—

Итого 55 человѣкъ

По справкѣ въ 1784 году изъ нихъ оказалось: „По неспособности въ мѣщанствѣ“ отданъ въ рекруты 1 человѣкъ, по своему желанію нанялись въ рекруты за мѣщанъ трое, утонула одна, по своему желанію переведены въ городъ Судиславль трое (семья), по своему желанію возвратились къ помѣщику трое, бѣжало 27 человѣкъ, а всего выбыло 38 человѣкъ. Слѣдовательно на мѣстѣ изъ 55 осталось только 17 человѣкъ.

Изъ другого реестра бѣглымъ, приписавшимся въ балахонское мѣщанство въ августѣ 1787 года, видно, что къ 1789 году изъ 10 человѣкъ осталось только пятеро, да и о тѣхъ сказано, что питаются подаянiемъ, остальные бѣжали, двое—въ сентябрѣ того-же года, а трое въ маѣ 1788.

Въ слѣдствіе манифестовъ, дававшихъ бѣглымъ право приписываться въ мѣщанство, приливъ ихъ въ города, въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ весьма значителенъ, на примѣръ, только въ теченіе 5 лѣтъ (1780—1784) приписалось „являвшихся изъ бѣговъ“ въ нижегородское мѣщанство 168 мужчинъ и 17 женщинъ, не считая дѣтей при нѣкоторыхъ изъ нихъ, всего-же

185 человекъ. Въ Нижнемъ въ 1779 году мѣщанъ считалось 1391 человекъ *), слѣдовательно за такое короткое время бѣглецы увеличили число ихъ на 13⁰,о. Но и здѣсь, какъ въ Балахиѣ, многіе изъ бѣглыхъ пришлось „не ко двору“: уже въ декабрѣ 1784 года изъ 185 человекъ въ городѣ не оказалось и половины, — 58 человекъ бѣжало, 7 человекъ умерло, 5, по своему желанію, переселились въ другіе города, 1 данъ за мѣщанъ въ рекруты и 24 человека были возвращены помѣщикамъ, такъ какъ оказалось, что они не имѣли права на приписку, за разныя преступленія, сдѣланныя ими при побѣгахъ; нелишне при этомъ замѣтить, что преступленіе большинства ихъ заключалось въ проживаніи въ бѣгахъ и припискѣ подъ чужимъ именемъ, что также лишало бѣглого права на милости манифестовъ.

Къ концу крѣпостного права побѣги крѣпостныхъ хотя и не прекращались, но стали повторяться сравнительно рѣже и не потому, что-бы условія жизни ихъ измѣнились къ лучшему, но потому, что бѣглому стало труднѣе укрываться отъ помѣщика и отъ властей; мѣста, считавшіяся прежде безопасными и гостепріимными для бѣглыхъ, мало-по-малу утратили благопріятныя для бѣглецовъ свойства. Масса недовольнаго люда накоплялась по этому въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и протестъ противъ крѣпостного яра сталъ принимать другія формы: чаще стали жалобы крестьянъ на своихъ помѣщиковъ, мірскіе ходатаи чаще появляются въ Петербургѣ, учащаются бунты крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ, во многихъ мѣстахъ крестьяне отказываются имъ и властямъ повиноваться и нерѣдко рѣшаются на убійства своихъ господъ.

Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, подаваемые въ мѣстные суды и губернаторамъ, рѣдко приводили къ облегченію ихъ

---

*) Свѣдѣніе это заимствовано нами изъ рукописной книги: „Вѣдомость селеніямъ и о числѣ во оныхъ душахъ, составляющихъ нижегородскаго намѣстничества нижегородскую округу“, принадлежащей А. С. Гадцискому.

участи, да и сами крестьяне, когда являлись къ нимъ чиновники производить слѣдствіе, пугались затѣяннаго дѣла и одинъ за другимъ отказывались отъ своихъ обвиненій, а бывали случаи, когда они не сознавались даже и въ томъ, что писали жалобу на помѣщика; тогда привлекали къ отвѣту писаря и такъ какъ тотъ не могъ доказать, что писалъ жалобу по просьбѣ крестьянъ, то его наказывали и писали въ разрядъ ябедниковъ. Если-же крестьяне и подтверждали свои обвиненія при слѣдствіяхъ, то всегда находились изъ нихъ люди, не подписавшіеся подъ жалобой и главные зачинщики, подговорившіе крестьянъ подписаться подъ просьбой. Зачинщиковъ, какъ возмутителей спокойствія и нетерпимыхъ въ обществѣ, ссылали, по просьбѣ помѣщиковъ, на поселеніе въ Сибирь, а прочихъ участниковъ въ жалобѣ наказывали за оболганіе помѣщика плетьюми, внушая имъ этимъ традиціоннымъ способомъ быть послушными господину и покорность своей судьбѣ. Плеть, и только одна плеть прописывалась тогда противъ всѣхъ многочисленныхъ недуговъ крѣпостного права.

Какъ смотрѣли мѣстные суды и администрація на отношенія между помѣщиками и крестьянами и на жалобы послѣднихъ на слишкомъ большіе поборы и разные несправедливости, видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго дѣла, производившагося въ нижегородской уголовной палатѣ въ 1833 — 1835 годахъ. Крестьяне помѣщицы Безсоновой написали ей жалобу на ея управляющаго Десятова, и приведя въ прошеніи длинный списокъ безвинно-наказанныхъ имъ и поборовъ, какихъ они прежде не платили, пишутъ, что пришли въ крайнюю нищету, обѣзжечь поля, по случаю прошлогодняго неурожаа, имъ нечѣмъ, что и теперь уже они доѣдаютъ послѣднюю мякину, а управляющій продалъ послѣднихъ ихъ овецъ и куръ, да оцъ-же распродалъ изъ запасныхъ общественныхъ магазиновъ весь хлѣбъ, и слезно проситъ удалить отъ нихъ Десятова, „иначе“, говорятъ, „лучше намъ быть по вашей волѣ на поселеніи, нежели оставаться въ такомъ тиранствѣ“. Прежде чѣмъ послать прошеніе помѣщицѣ, крестьяне отслужили молебень, „чтобы Богъ помогъ имъ въ предпріятомъ дѣлѣ“,

какъ объяснилъ священникъ, хотя, по его словамъ, ему не было извѣстно— „въ чемъ оно состояло“. Десятковъ, узнавши, что крестьяне послали жалобу на него госпожѣ, сообщилъ объ этомъ въ судъ и заявилъ, что крестьяне „по сему случаю“ вышли изъ повиновенія, собираются самопроизвольно на сходъ и не хотятъ ходить на господскія работы. Прошеніе своихъ крѣпостныхъ Безсонова также представила въ судъ на разсмотрѣніе. Зачалось дѣло. Крестьяне обвинялись и были обвинены въ буйствѣ и въ неповиновеніи управляющему. Зачинщики были наказаны плетью, а остальнымъ, подписавшимъ прошеніе, въ наказаніе было вмѣнено долговременное тюремное заключеніе (2 года). Въ разбирательство жалобы крестьянъ на управляющаго уголовная палата не входила, признавая претензію ихъ не подлежащею разсмотрѣнію суда, такъ какъ она (претензія), сказано въ постановленіи палаты, „имѣла стремленіемъ затруднить владѣльцу пользованіе своимъ имуществомъ“, и только констатированъ былъ фактъ продажи управляющимъ хлѣба изъ запаснаго общественнаго магазина, что, впрочемъ, для него не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ подтвержденія—не допускать крестьянъ до нищенства. Священникъ, отслужившій по заказу крестьянъ молебенъ, не былъ оставленъ судомъ безъ вниманія и о немъ сообщено было на разсмотрѣніе духовнаго начальства.

Жалобы крѣпостныхъ на помѣщиковъ хотя и считались, по прежнему, противозаконными и преслѣдовались правительствомъ, но это конечно не могло остановить отъ жалобъ крестьянъ, находившихся иногда въ безвыходномъ положеніи и они нерѣдко доходятъ, не смотря на разныя препятствія, съ челобитьями на господъ до государя. Для примѣра укажемъ на крестьянъ арзамасскихъ помѣщиковъ Ваченовыхъ. Въ 1807 г. они послали троихъ ходочковъ въ С.-Петербургъ, съ жалобой къ государю, на отяготительные поборы, и перестали платить оброкъ. Одинъ изъ ходочковъ прожилъ въ столицѣ, то на волѣ, то по гауптвахтамъ, около года и наконецъ былъ высланъ на родину, гдѣ объявилъ крестьянамъ, что приказано ждать устроенія ихъ участи государемъ. Крестьяне поняли это въ благопріятномъ

для себя смыслъ и продолжали отказывать помѣщику въ оброкѣ. Результатомъ просьбы крестьянъ и слѣдствія, возникшаго по ней, было назначеніе надъ имѣніемъ опеки, и такъ какъ на немъ накопилась масса долговъ, то крестьянъ обязали выплачивать ихъ въ теченіе 25 лѣтъ, при чемъ на каждую душу въ годъ приходилось платежа по 35 рублей; но „за совершеннымъ разореніемъ“ крестьяне на-отрѣзъ отказались платить такую сумму и соглашались выплачивать не болѣе, какъ по 10 рублей въ годъ съ души. Угрозы и увѣщанія не дѣйствовали, крестьяне упорно продолжали стоять на своемъ, тогда въ имѣніе Баженовыхъ были вызваны войска. Ходоки и главные зачинщики изъ крестьянъ были биты кнутомъ и сосланы въ каторгу, а всѣ остальные крестьяне отъ десяти девятый, по жеребью, наказаны плетми. Но и это не помогло: обѣднѣвшіе крестьяне оказались дѣйствительно не въ состояніи выплатить въ назначенный срокъ долги помѣщиковъ и правительство принуждено было перевести ихъ на барщину.

Не находя защиты въ судахъ отъ жестокихъ помѣщиковъ, выведенные изъ терпѣнія крѣпостные расправлялись съ ними иногда сами. Интересное въ этомъ родѣ дѣло разбиралось въ 1840 году въ нижегородской уголовной палатѣ. Покушались на жизнь арзамасскаго помѣщика Бетлинга его дворовые. Прежде чѣмъ рѣшиться на убійство помѣщика, дворовые нѣсколько разъ обращались съ жалобой на жестокіе побои господина къ исправнику и мѣстному предводителю дворянства; послѣдніе подтвердили показанія дворовыхъ и заявили, что въ слѣдствіе этихъ жалобъ совѣтовали Бетлингу удерживаться отъ жестокостей. Но онъ не перемѣнялся въ обращеніи съ своими крѣпостными и, какъ показывали дворовые, тайно мучилъ ихъ за доносы властямъ. Наконецъ пятеро холостыхъ дворовыхъ, въ возрастѣ отъ 19 до 24 лѣтъ, сговорились убить его; они напали на Бетлинга ночью, когда тотъ возвращался изъ Арзамасса въ свое помѣстье; одинъ изъ нападавшихъ ударилъ его въ лобъ дубиною; но Бетлингъ соскочилъ съ дрожекъ и успѣлъ спастись отъ нихъ бѣгствомъ. Всѣ обвиняемые на судѣ даже не пытались

оправдывать себя и скрыть цѣль нападенія и откровенно сознались, что имѣли намѣреніе убить помѣщика, а одинъ изъ нихъ, даже неучаствовавшій въ нападеніи, а только бывшій въ заговорѣ съ нападавшими, заявилъ, что не пошелъ на дорогу поджидать съ товарищами своего господина только потому, что хотѣлъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ убійствѣ, если-бы оно случилось, и при этомъ сказалъ, что приняли-бы участіе въ заговорѣ и всѣ женатые дворовые, если-бъ не боялись за участь своихъ семей. А вотъ какъ разсказывали они о причинахъ, побудившихъ ихъ на убійство Ветлинга и о тѣхъ наказаніяхъ, какимъ онъ подвергалъ ихъ. Одинъ говоритъ: „наказывалъ меня баринъ очень часто и безчеловѣчно, напримѣръ: за неотысканіе въ банѣ простыни розгами, за упускъ на охотѣ зайца розгами жъ и за то, что разъ вздремнулъ — розгами, нынче, зимою, за нескорое поставленіе тѣнетъ — по головѣ палкою, за то, что позабылъ принести въ баню квасъ — розгами, за слабое привязаніе къ неводу камня — по головѣ желѣзнымъ аршиномъ, и много въ разное время дѣлалъ мнѣ наказаній, которыхъ уже не припомню“. Другой: „у меня на тѣлѣ отъ его побой нѣтъ здороваго мѣста и много разъ меня вытаскивали изъ конюшни послѣ наказаній односельскіе мужики за-мертво“. Третій, кучеръ: „потерялъ я всякое терпѣніе, видя каждодневные жестокіе поступки господина; билъ онъ насъ чѣмъ ни попаде, разбирая даже и самыхъ большихъ праздниковъ, билъ меня, напримѣръ, ружейнымъ прикладомъ, за то, что оборвался понеречникъ. билъ нещадно за то, что проѣзжая верхомъ на лошадахъ, я не могъ заставить ѣхать свою лошадь такъ, какъ хотѣлось барину, а то очень быстро, то очень тихо“. Четвертый: „билъ меня баринъ всячески и пинками, и кулаками, и плетью, и коломъ, за всякую малость; а весь нынѣшній великій постъ продержалъ въ темномъ чуланѣ, выдавая по фунту хлѣба и по фунту воды, а земскому суду объявилъ, что я въ бѣгахъ; отъ несносныхъ и частыхъ побой потерялъ я память, поэтому уже и рѣшился на послѣднее средство, неимѣя никакой отрады; рубцы и пятна на головѣ моей и другихъ доказываютъ

жестокость наказаній и наше отчаяніе“. Штабъ-лекаръ по послѣднему заявленію свидѣтельствовалъ головы всѣхъ обвиняемыхъ и дѣйствительно нашелъ, что у каждаго были на головѣ слѣды отъ зажившихъ ранъ, а у нѣкоторыхъ головы оказались буквально исполосованными во всѣхъ направленіяхъ. Спрашивали на судѣ нѣкоторыхъ крестьянъ Бетлинга, какимъ онъ ихъ подвергаетъ наказаніямъ, и тѣ также жаловались на его жестокость. Одинъ изъ крестьянъ, плотникъ 66 лѣтъ, рассказывалъ, что во время господскихъ работъ его, какъ лучшаго мастера, господинъ чаще чѣмъ прочихъ съѣлъ розгами; „не проходило недѣли“, говорилъ онъ, „чтобы я не былъ высѣченъ или прибитъ, хотя бы и не я, а товарищи мои въ чемъ ошиблись на работѣ“; другой, плотникъ-же, рассказывалъ, что хотя его и не такъ часто билъ баринъ, но наказаній не избѣжалъ-же, такъ „разъ, за неплотность пола на мельницѣ, ударилъ онъ меня по шеѣ, свалилъ съ ногъ и изъ рукъ своихъ коломъ перешибъ мнѣ руку“. Эти и нѣкоторые другіе крестьяне ходили также жаловаться на барина сначала къ предводителю дворянства, а потомъ къ губернатору, послѣ чего Бетлингъ уже не наказывалъ ихъ такъ жестоко.

Уголовной палатой виновные были приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Бетлингъ остался тѣмъ-же полноправнымъ помѣщикомъ, какимъ былъ и до этого процесса; судомъ ему даже не сдѣлано было обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ „подтвержденія“, чтобы онъ человѣчнѣе обходился съ своими крѣпостными, потому что показаніямъ обвиняемыхъ судъ не давалъ вѣроятія, при томъ-же и крестьяне заявили, что послѣ жалобы на помѣщика жестокимъ побоямъ онъ ихъ не подвергалъ больше.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ родѣ протеста противъ крѣпостнаго состоянія, протеста хотя и пассивнаго и менѣе всего вліявшаго на измѣненіе къ лучшему быта крѣпостныхъ, но за то сильнаго своимъ трагизмомъ и краснорѣчиво говорившаго объ отчаянномъ положеніи этихъ протестантовъ,—это о самоубійствахъ. Мало обращали прежде вниманія на такого рода

происшествія и слѣдователи неособенно усердно доискивались причинъ, побуждавшихъ крѣпостныхъ къ самоубійству. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, главнымъ образомъ, что въ дѣлахъ о самоубійствахъ рѣдко встрѣчаются свидѣтельскія показанія, болѣе или менѣе опредѣленно указывающія на причины самоубійствъ. Большинство свидѣтелей ограничивается въ этихъ случаяхъ одной почти всегда неизмѣнной фразой, что такой-то вѣроятно лишилъ себя жизни „отъ имѣемой въ немъ задумчивости“ ....

В. И. Снѣжневскій.

Конецъ X тома.